

ДИАНА
СОУЛ

ИЛЛЮЗИЯ ГРЕХА

Последняя иллюзия

*Если у мужчины нет чувств,
то у женщины не должно быть сердца...*

ИДДК

Иллюзия греха

Диана Соул

**Иллюзия греха.
Последняя иллюзия**

«ИДДК»

2018

Соул Д.

Иллюзия греха. Последняя иллюзия / Д. Соул — «ИДДК»,
2018 — (Иллюзия греха)

«Никогда не связывайся с инкубом!» – эту непреложную истину повторяют матери дочерям уже ни одно поколение. Инкуб может дать девушке все: исполнить любую мечту, достать с неба звёзды и подарить их на блюде из лунного камня... Показать истинное счастье, а потом разбить сердце... Но эти мужчины не умеют любить, ведь так заложено их природой. Для них любовь – дефект, исчезнувший в процессе эволюции, но даже у этих нелюдей вполне человеческие цели. Мне не повезло особенно: ко мне проявил интерес Герберт Сакс – мультимиллионер, владелец аэрокосмической корпорации, изобретатель и самый опасный из инкубов, отказать которому, просто невозможно...

© Соул Д., 2018

© ИДДК, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Диана Соул

Иллюзия греха. Последняя иллюзия

Пролог

Сумерки медленно опускались на город, но темнее не становилось. Скорее наоборот. Солнечный свет неохотно сдавал права неоновому освещению рекламных вывесок, экранов билбордов, огромным проекциям на стеклах небоскребов.

Город пылал яркими огнями, оживал все больше с каждой минутой, напоминал огромный, вечно гудящий и никогда не засыпающий улей. Но здесь, на двухсотом этаже Saks-Technologies, благодаря полной звукоизоляции не было слышно шума. Все ради того, чтобы даже случайный шорох не мешал хозяину кабинета наслаждаться мелодией, размеренно льющейся из сотен динамиков вокруг.

Их продуманная система создавала удивительное стереофоническое звучание, как если бы здесь, в кабинете, находился оркестр и живой хор.

Впрочем, Герберт Сакс не любил живых людей. Слово «любовь» было к нему вообще неприменимо. Верхом его эмоциональной симпатии являлось уважение.

Он уважал мертвых гениев прошлого, их идеальные музыкальные творения, где каждый звук, будь то симфония, соната или сюита, нес идеальную, выверенную до математической точности гармонию.

Сейчас в кабинете играл последний «Реквием» Моцарта. Лакримоза – зауспокойная траурная месса, гимн всему уходящему на покой и возрождающемуся вновь.

– Думаю, вас это заинтересует, – прозвучал механический голос посетителя, нарушив хрупкое ощущение уединения хозяина кабинета. Иллюзию его одиночества.

Герберт Сакс отвернулся от окна, за которым разглядывал бесконечный город, прошел к глубокому креслу и сел за абсолютно пустой стол из красного дерева, чей возраст был едва ли не втрое больше чем у самого Сакса. Одну из немногих вещей с историей в этом царстве современного хай-тека. Чувствительные сенсоры в стенах уловили движения хозяина, приглушив звуки музыки до едва слышных, дабы ничто не мешало разговору.

– И что же? – коротко бросил он роботу-андроиду, облаченному в сшитый на заказ костюм, что уже само по себе было необычно. Впрочем, тот, кто выбрал себе аватаром именно этого робота, мог позволить подобные излишества.

– Недавно обнаружили в анализах одной девушки в муниципальной больнице, взгляните. – Андроид протянул тонкую папку, внутри которой лежал всего один лист – без имен и фамилий, только медицинский анализ и диагноз.

Герберт прошелся беглым взглядом по нескольким строчкам и равнодушно вернул папку обратно.

– Занятно, но полностью бесполезно. Она инвалид, – сухо ответил он. Его лицо осталось абсолютно безэмоциональным, хотя кое-что все же проступило наружу – раздражение тем, что он был вынужден приглушить музыку, единственное, что вызывало у него отклик.

А вот маска-лицо робота отличалась повышенной эмоциональностью мимики. Андроид предвкушающе улыбнулся, копируя выражение своего хозяина, сидящего где-то далеко, за много миль отсюда:

– Зато у нее есть сестра, вполне здоровая и физиологически зрелая. Вы же понимаете открывающиеся для вас перспективы?

– Допустим. Продолжайте, – и снова никаких эмоций.

Будь в кабинете кто-то третий, он бы усомнился, кто из этих двоих робот.

– Десять миллионов кредитов, – робот изобразил пусть механический, но вполне человекоподобный смешок, – и вы будете знать о ней все. Впрочем, вам будет достаточно только имени. Дальше справитесь сами...

Глава 1

Жизнь летит под откос тогда, когда мы сами ее туда отпускаем.

Именно эту фразу я повторяла день за днем, убеждая себя, что до дна этой самой пропасти мне еще далеко, и даже если сейчас я где-то на середине, то однажды обязательно выкарабкаюсь.

– Виола, – прилетело в спину, – через две минуты твой выход.

Я оглянулась и встретилась с недовольным взглядом администратора клуба, стоящего в дверях гримерки. Он всегда подгонял меня на сцену, а я, пересиливая себя, шла за ним.

Последний взгляд в зеркало. Оттуда на меня смотрела раскрашенная, расфуфыренная девица в нижнем белье. Она натянула на лицо улыбку, а мне стало противно видеть ее такой радостной. Потому что в душе я по-прежнему воспринимала каждый свой танец как унижение.

Вот только я в этом клубе работала добровольно, никто силком к шесту не ташил. Не хочешь работать – вали на все четыре стороны! Но тогда мне не на что будет жить и оплачивать счета ни за себя, ни за сестру. А я должна.

– Господа, а сейчас специально для вас, – нагнетал обстановку ведущий, – уникальный танец! Девушка-скрипка, чьи изгибы не оставят ни один смычок равнодушным! Виола-а-а!!!

Он хохмил, а мне было гадостливо, только я все равно вышла к шесту и начала танцевать. Извивалась, кружилась, покачивая бедрами, демонстрируя свое тело со всех ракурсов. Особенно спину, где длинные шрамы были зататуированы под струны и эфы смычкового инструмента.

Я была единственной танцовщицей в клубе, кто никогда не снимал низ, и единственной, кто танцевал под классическую музыку.

Когда я пришла в этот клуб, PR-директор долго осматривал мои шрамы, кривил губы, говоря, что подобное уродство нельзя выпускать на сцену, но идея со струнами скрипки ему все же понравилась, и он придумал, как превратить изъян в денежное предприятие.

Но сегодня был один из тех дней, когда публика смотрела на любые выступления хмуро, заводилась вяло, а мой танец под «Escala Palladio» особой бури эмоций не вызывал, разве что еще большее недовольство у двух пьяных в хлам мужчин. Один из них скользил по мне масляным взглядом, второй противно улыбался, а под конец еще и выкрикнул:

– Детка, плачу сотню кредитов, если снимешь трусики и дашь поиграться со своими струнами!

Меня передернуло от омерзения, но номер дотанцевала, а после долго сидела в гримерке, боролась с желанием смыть с себя макияж, потому что вечер еще не закончен, и наверняка один из этих сволочей потребует приватный танец.

С клиентами я, разумеется, не спала. Никогда. Хотя некоторые девчонки иногда подрабатывали, но это не отменяло того факта, что по первому зову посетителя я должна была выйти и танцевать вновь и вновь, пока тому не наскучит.

И даже двойная оплата меня не прельщала, она, скорее, добивала осознанием, что каждый раз, принимая от них кредиты, я приближалась еще на несколько сантиметров к самому дну.

Время шло, и, в отличие от остальных девчонок в гримерке, меня на танцы больше не приглашали. Они то и дело сновали туда-сюда, пока я сидела на стуле.

Можно было бы пойти поработать в зал, повертеть задницей перед носом у клиентов, дать себя полапать, но я не смогла заставить себя это сделать.

Так и досидела до закрытия клуба. Стоило электронным часам высветить пять утра, как я рванула в сторону душевых – смывать блески и переодеваться. В спину донесся издевательский шепот девчонок:

– Опять гимнасточка в пролете. Скоро пнут эту первую скрипку.

Наверное, они были правы. Если я не приношу заведению денег, то заведение не станет меня держать. А моей дневной работы, кассирши в ресторане быстрого питания, едва хватает на поддержание только одной жизни. Либо моей, либо сестры...

Стадив с себя блестящее белье, я шагнула под струи душа, где долго стояла, намыливая себя и оттирая косметику мочалкой. В какой-то момент с особой ненавистью коснулась еще одного шрама на теле. Под грудью, над самым сердцем.

На лице возникла злая ухмылка. Я ненавидела ту штуку, которая таилась под моими ребрами, качала кровь и не давала мне сдохнуть. У меня не было сердца, зато был имплант. Не знающий сбоев, перерывов и работающий с точностью атомных часов.

Он сохранил мне жизнь, он же ее и сломал.

Перед глазами промелькнули воспоминания годичной давности о последних событиях перед той аварией.

Мои родители вместе с Тиффани забирали меня с очередных соревнований по легкой атлетике. Второе место!

Серебряная медаль болталась на моей груди, а я гордилась ей и одновременно обижалась на себя, ведь могла бы выступить чуть-чуть лучше и получить золото. Я и младшая сестра ехали на задних сидениях. Она без умолку болтала о том, как я прекрасно выступила с лентами, примерила мою медаль, потом вернула. А мать согласно кивала ей и улыбалась в зеркало заднего вида. Отец же смотрел на дорогу, ведя кар по автобану. Когда навстречу вылетел атомовоз, он ничего не успел сделать... Уже потом, разглядывая снимки после аварии, я не понимала, как мы с сестрой вообще сумели выжить.

Ее вышвырнуло из машины на проезжую часть, она ударилась головой и сломала позвоночник в нескольких местах, мое же тело прошило металлом.

Те ужасные шрамы на спине были следом именно того столкновения. Дурацкая серебряная медаль вошла в грудную клетку, проломив ребра, чьи осколки вошли в сердце. Оно остановилось как раз в тот момент, когда к месту приехала скорая.

Об этом мне рассказали доктора. Они сильно удивлялись, как я вообще продержалась так долго. А вот родителей спасти не удалось, точнее, и спасать-то было некого к тому моменту. Месиво из металла и крови.

От картин в голове к горлу подкатил ком тошноты. Наверное, мне не стоило тогда смотреть на снимки.

В тот день решение о спасении моей жизни принимали доктора. Страховки родителей и моей хватило на сердечный имплантат – дорогое удовольствие, сохранившее мне жизнь. С таким я смогла бы прожить долгую и насыщенную жизнь. Врачи гордились проведенной операцией, вот только когда я пришла в себя – поводов для радости у меня не нашлось.

Тиффани лежала в коме, полностью под аппаратами искусственного обеспечения жизни. Ее бы отключили, но требовалось мое разрешение как единственного оставшегося в живых родственника, которое я, разумеется, не дала.

Тогда мне предъявили счет, который нужно оплачивать каждый месяц, чтобы она жила.

Специалисты говорили разное: кто-то, что Тиф на всю жизнь останется «овощем», а кто-то более оптимистичный уверял, что чудеса иногда происходят, и в истории медицины были прецеденты.

Я предпочла верить вторым и сразу после выписки отправилась к тренеру по гимнастике. Мне были положены выплаты за награды, – я ведь была очень перспективной спортсменкой.

Ключевое слово – была.

Тренер Роджерс посмотрел на меня сочувствующим взглядом и отвел в кабинет. Усадил там на стул, а после начал непростой разговор:

– Деньги за твои награды уже переведены на соответствующие счета, но что касается твоей дальнейшей карьеры... то мне очень жаль.

– О чем вы говорите? – не сразу поняла я. – Если речь о том, что я пропустила месяц тренировок, то я наверстаю.

– Нет, дело не в этом. Речь о твоём новом сердце. Это ведь имплант – не знающий усталости и износа. У других спортсменов нет такого бонуса к выносливости, а значит, все твои успехи не будут твоими. В то время, когда пульс других девочек будет зашкаливать от нагрузки, а сердце выпрыгивать из груди от усталости, ты будешь спокойно продолжать тренировку дальше... Поэтому мне действительно очень жаль, Виола, но в спорте тебе больше нет места.

В тот день я вернулась в пустую квартиру, долго сидела на диване, глядя на противоположную стену, увешанную моими наградами, и не понимала, как мне жить дальше.

На тот момент мне было девятнадцать, никакого образования, кроме спортивного. Я всю свою жизнь только и делала, что тренировалась ради будущих успехов в атлетике, и что теперь?

Я одна. У меня нет работы, родительской поддержки, зато есть куча проблем и больная сестра...

В тот момент мне хотелось удавиться, но я понимала: это не выход. К тому же, оборвав свою жизнь, я отключила бы от аппаратов и сестру.

Каким-то образом я умудрялась выкручиваться первое время. Устроилась кассиром в ресторан быстрого питания, едва сводила концы с концами, продавала какие-то вещи из дома, чтобы оплатить аренду квартиры и счета из больницы, на оставшиеся деньги питалась сама.

Единственная необоснованная трата, которую я себе позволила, – это забить шрамы на спине черным рисунком струн и эф, превратив себя в подобие скрипки.

Примерно через полгода я переехала в жилье поскромнее, а еще через месяц увидела объявление о наборе танцовщиц. Когда пришла на собеседование, надеялась, что речь пойдет о приличной подтанцовке, но реальность оказалась куда более неприглядной. Искали стриптизерш.

Крутиться вокруг шеста, вилять бедрами, обнажать тело и получать за это вполне неплохие деньги – если будет успех у клиентов. Я долго не могла заставить себя взойти на помост, после нерешительно топталась у пилона в непривычно огромных туфлях на каблуке.

PR-директору клуба понравилась моя гибкость, тонкое тело и абсолютно не понравились шрамы и зажатость. Но мне дали шанс, и уже следующим вечером я вышла на сцену.

Не скажу, что мое первое выступление вышло грациозным или произвело массовый фурор. У меня не было танцевальной подготовки, зато была гибкость и немыслимое упорство. И тем не менее директор меня похвалил за старания и даже вручил деньги за танец. Следующие несколько недель я тренировалась работать на пилоне. Мышцы болели, как и тело. Нагрузка распределялась по телу совершенно иначе, нежели в спортивной гимнастике, и все же я заставляла себя трудиться дальше. Головой понимала – как бы мне не было противно, нужно переступить через гордость и работать-работать-работать. По крайней мере, сейчас, пока у меня нет других возможностей найти деньги.

Первое время мои выступления вполне нравились публике, но чем дальше, тем больше испарялся ее интерес. Сегодня за вечер я заработала сущие пустяки и, покидая клуб, не могла не думать о том, что мне делать дальше.

Какой следующий принцип придется переступить, чтобы подстроиться под обстоятельства?

Позади раздался стук каблуков, я обернулась и увидела Кэтрин. Мы часто ездили с ней на одном монорельсе после работы, и сейчас она как раз догоняла меня, чтобы успеть на первый утренний рейс.

– Сегодня даже не поговорили толком, – выдохнула она. – Работы вал, ни разу не присела за вечер.

Я покосилась на нее. Такая же жгучая, как и я, брюнетка, разве что у меня кожа бледная, а у нее смуглая, почти бронзовая, и глаза у нее необычные – фиолетовые. Хотя это следствие косметического колорирования, что для меня слишком дорогое удовольствие.

– Зато я отсиделась в гримерной, – то ли похвасталась, то ли пожаловалась ей. Кэтрин была единственной танцовщицей в клубе, с кем я общалась хоть как-то. Возможно, сказалось наше общее прошлое. Она в эту сферу попала тоже из спорта, только, в отличие от меня, сильными моральными терзаниями не отягощалась. А может, дело в возрасте – Кэт была старше на пять лет и гораздо опытнее.

– Уволят тебя, – девушка покачала головой. – Как пить дать, уволят! Ты всего полсезона в клубе, а я три года, насмотрелась уже на таких правильных.

– Напекаешь, что пора начинать спать с клиентами? – зло поинтересовалась я, хотя прекрасно знала, что сама Кэт за этим замечена не была, просто ее реплика про правильность прозвучала слишком обидно.

– Напекаю, что пора перестать цепляться за детство и наивные мечты, Виола. Я прекрасно знаю твою историю, по-человечески сочувствую, но бесконечно себя жалеть невозможно, а идти вперед нужно. Пора взрослеть, выбирать, что тебе важно, и искать пути достижения целей. Ты же, несмотря на всю якобы упертость, похожа на медузу, которую выбросило на берег – расплылась бесформенной жижей. Признаки жизни подаешь, только если палкой ткнуть!

У меня не нашлось слов, чтобы ей ответить. Я просто шла рядом с ней и переваривала.

Кэтрин же продолжала:

– С таким телом, как у тебя, и возможностями, – она покосилась куда-то в область моей груди, отчего мои скулы аж свело, – ты могла бы стать звездой этого заведения, заколачивать по сотне кредитов в день и не знать проблем. Тебя потому другие девчонки и не любят, чувствуют конкуренцию на интуитивном уровне.

– А ты тогда почему не чувствуешь? – не выдержав, спросила я. – Если все это рассказываешь?

Она махнула на меня рукой, словно поставила крест безнадежности.

– Потому что о чем бы я тебе сейчас ни сказала, к сведению ты это не примешь. Будешь и дальше сидеть в гримерке, как улитка в раковине. Так о какой конкуренции с твоей стороны может быть речь?

Вот так и открываются глаза на жизнь. Я никогда не считала Кэтрин подругой, скажем, самое близкое определение – знакомая, с которой можно поговорить по пути до монорельса. Для нее же я оказалась всего лишь девчонкой-неудачницей, которую решила поучить взрослая тетя.

– Я видела твой сегодняшний танец, – вдруг сменила она тему. – Знаешь на что похоже?

– На что?

– На образцово-показательное выступление на соревнованиях. Четко, выверенно и под линейку. А души нет. Все с таким натянутым выражением лица и отрисованной улыбкой, что любому станет понятно – ты не кайфуешь от танца, ты исполняешь повинность.

Ну да, так оно и было. Кэт очень четко охарактеризовала мое внутренне состояние на сцене.

Мы добрались до платформы и весь обратный путь в поезде провели молча. Я смотрела в окно, а она читала книгу на новеньком голографе. В отличие от меня, у Кэт всегда были деньги на собственные хотелки.

Я вышла раньше и всю дорогу до съемной конуры пребывала в размышлениях.

Кэтрин танцевала, как она выразилась, «с душой». Даже я, когда впервые увидела ее у пилона, замерла с раскрытым ртом. У нее никогда не было недостатка в заказах: она выходила в зал, общалась с мужчинами, некоторые после приглашали ее в отдельную кабинку для привата. Но самым интересным клиентом у нее был Папуся, так его называли остальные девчонки, пока Кэт не слышала. Он всегда платил ей больше всех, но танцев не требовал. Папуся обычно приходил по пятницам, выглядел устало и одиноко. Снимал дорогой пиджак, развязывал галстук и смотрел на Кэт с дальнего столика в углу, а потом платил ей, чтобы она просто сидела рядом с ним и беседовала. О чем они говорили, никто не знал, а если пытались подслушать, Кэт гнала взашей.

Я всегда видела в этом какую-то романтическую подоплеку. Хотелось верить, что Папуся влюблен в танцовщицу, и когда-нибудь обязательно признается ей в этом, а потом позовет замуж. Реальность настигла меня в момент, когда я разглядела обручальное кольцо на его пальце.

Он был всего лишь очередным мужчиной, который убегал в стрип-бар от жены и, возможно, детей, чтобы попить на голых девок.

Возможно, мне стоило взять пример с Кэтрин и хотя бы попробовать выйти в зал, чтобы поработать там.

* * *

Этим же вечером я позвонила администратору Томасу в клуб и попросила дать мне сегодня внеочередную смену.

– Не выйдет, и так полный комплект, – возразил он. – Тебя ставить некуда, да и...

– Я пойду в зал, – перебила его, чем явно ошарашила. – Короткий номер на сцене не сойдет основную сетку выступлений, а потом я никому не буду мешать! Обещаю!

– Это как посмотреть. – И все же Томас на другой стороне задумался. – Ладно, приходи.

По всей видимости, он от меня ничего подобного услышать не ожидал, наверное, потому и пошел навстречу. Не каждый день увидишь Виолу в зале.

Уже сидя в гримерке, накрашенной и готовой к выходу, я настраивала себя на подвиги.

– Просто кайфуй! – уговаривала свое отражение в зеркале. – Представь, что на кону олимпийское золото, и танцуй.

Сегодня звучала обработка токкаты ре-минор, я позволила музыке унести себя, отрешиться от происходящего вокруг. Многие бы назвали мелодию не подходящей для такого танца, слишком энергичная в разработке, быстрая, словно порывы штормового ветра, но я и была штормом. Распустила волосы и кружилась вокруг пилона, подчиняясь несущему меня ритму.

Когда прозвучал последний аккорд, я будто очнулась от забытья. Клиенты у сцены пребывали в восторге, один даже аплодировал, хотя обычно этого не случалось. Наваждение сменилось реальностью, когда какой-то из мужчин просунул мне под трусики купюру в пять кредитов.

Что ж, спасибо! Я даже улыбнулась ему в ответ и, влекомая привычным страхом, поспешила в сторону гримерки, но, сделав три шага, остановилась и сменила направление.

Несколько ступеней со сцены, и я оказалась в зале. Вопреки всем опасениям, никто не кинулся меня тут же лапать. Клиенты следили издали, я чувствовала их взгляды на себе. Один у барной стойки отсалютовал бокалом, явно давая понять, что не прочь, если я подойду ближе, но к нему зашепели Сара, заняв место рядом.

Я вновь обвела зал рассеянным взглядом. Бросаться сразу в омут с головой мне не хотелось, нужно было начать общение с кем-нибудь попроще, что ли.

Взгляд невольно уперся в дальний угол, туда, где обычно сидел Папусик Кэтрин. Сегодня вместо него там находился другой мужчина. Явно моложе, с неопределенным цветом волос из-за освещения. Может, шатен, может, брюнет, он неторопливо водил пальцем по кромке бокала и неотрывно смотрел на меня. Не изучающе, не лапаяще, а просто смотрел. Как смотрят обычно на мебель.

Наверное, я не понравилась ему. А с другой стороны, вот он, мой вариант попроще. Если вообще безнадежно, я просто сбегу!

– Скучаете? – старательно промурлыкала я, возникая рядом с незнакомцем.

И все же шатен, стрижен довольно коротко, в дорогой рубашке, и на пальцах никаких украшений. А вот в глазах однозначно линзы со встроенным компьютером. Их выдавал едва различимый голубой отсвет микроэкранчика по краям радужки. Никогда не любила общаться с людьми, которые их носили, потому что они могли смотреть на тебя в упор, а на деле листать статью в интернете.

Собственно, вот и нашлась разгадка странного взгляда мужчины. Наверняка он глядел не на меня... Вот же дура!

Предположение подтвердилось, когда, чтобы не казаться идиоткой, я повторила вопрос, и мужчина едва заметно вздрогнул, отвлекаясь от чего-то мне неведомого:

– Что, простите? – Наконец он поднял на меня взгляд и посмотрел более осмысленно.

– Скучаете? – уже в третий раз повторила я.

– Не поверите, но нет.

Я потерялась, ведь рассчитывала на иной ответ. А теперь-то что? Развернуться и уйти? Зачем он вообще пришел тогда в стрип-клуб?

– Извините, – пробормотала я. – Не буду отвлекать.

Развернулась и как можно быстрее собралась ретироваться отсюда, чтобы попытать счастья с другим клиентом. Как раз тот у барной стойки освободился.

– Хгм, подождите! – неожиданно прилетело в спину. – Пожалуй, все же скучаю.

Остановилась и замерла от столь неожиданной перемены в клиенте, и все же за соломинку ухватилась. Внешне этот мужчина казался мне вполне нормальным и даже безобидным.

Я вновь подошла к столику и замерла в некоторой нерешительности, не представляя, как поступать дальше. Самой предложить ему станцевать?

Нужно было быть умнее и, прежде чем лезть на амбразуры, взять мастер-класс у той же Кэтрин. Кажется, она обычно начинает с ничего не значащего разговора о погоде.

Но первым разрушил неловкую паузу сам клиент:

– Я видел ваш танец, у вас очень интересная тату на спине. Очень красиво. Разрешите взглянуть?

Кивнула. Глупо отказывать, когда стоишь полуголая перед мужчиной и подошла именно затем, чтобы в конечном счете повертеть перед ним задницей.

– Струны, – он с некоторой бесцеремонностью, хотя я и не позволяла, дотронулся до позвоночника между лопаток и провел кончиками пальцев вниз, так что по спине пробежались мурашки. – ...И эфы.

Он убрал руки так же неожиданно, как и поднес, и только сейчас я поняла, что не дышала все это время.

– Если хотите, могу станцевать для вас, – все же сумела выдавить я, повернувшись к нему лицом.

Он покачал головой:

– Не стоит. Я не любитель подобного. – Мужчина указал на соседний стул, приглашая присаживаться.

– Зачем тогда пришли? – опешила от такого признания.

Губы незнакомца неожиданно поджались, будто он вспомнил о чем-то неприятном, или на краткий миг его зубы пронзила боль.

– Родственник назначил встречу именно здесь. – Он взглянул на часы под механику, я же мимолетно подметила марку. Пожалуй, чересчур дорогой аксессуар для типичного посетителя нашего клуба. Здесь обычно собиралась более скромная аудитория. – И он опаздывает...

В голосе незнакомца явно сквозило недовольство.

Сбоку к нам подошла официантка Марта, прервав неловкий диалог:

– Не желаете угостить даму коктейлем? – вклинилась она, намекая явно на меня.

Я недовольно покосилась на девушку, понимая, что она всего лишь делает свою работу, разводя клиента на заказ лишней выпивки и тем самым увеличивая выручку.

– Только если сама дама пожелает, – благодушно отозвался мой визави и взглянул на меня.

По идее, мне было положено выбрать самый дорогой напиток из меню, но я будто онемела. Как-то излишне не вовремя проснулась совесть. Пить я все равно не буду, а мужчина вроде бы хороший, и хотя у него явно полно денег, просто так выпросить напиток я не сумела.

– Ничего не нужно.

– А десерт? – едва заметно нахмурившись, предложила Марта, на что я опять хотела отказаться, но меня перебили.

– А вот десерт, пожалуй, принесите. Мороженое. Две порции.

– Сливочное или сублимацию? – оживилась официантка.

– Сливочное, – коротко ответил мужчина.

Когда заказ принесли, я несколько мгновений недоверчиво смотрела на три шарика в вазочке, политые сиропом. Незнакомец придвинул мне десерт, сам с маниакальным удовольствием вонзил ложечку в свою порцию и наконец произнес:

– Раз уж вы скрашиваете мне одиночество, угощайтесь.

Я осторожно ковырнула кончиком ложечки мороженое и не менее осторожно поднесла ко рту. Потрясающий, давно забытый вкус настоящих сливок. И здесь дело даже не в моей бедности, сколько в редкости цельного молока. И хотя сублимированное по вкусу почти ничем не отличается, все равно в голове было интуитивное понимание, где настоящее, а где подделка.

Но насладиться мороженым до конца у меня так и не получилось. Сбоку нависла высокая тень, я повернулась в ее сторону и нервно сглотнула.

Рядом стоял еще один мужчина, с пугающе пронзительным взглядом, недовольно поджатыми губами и с видом божества, сошедшего на грешную землю.

Волосы ниже плеч, острые, напряженные скулы и ресницы... умопомрачительно длинные. Если бы не взгляд-рентген за ними, в такие можно было бы влюбиться.

Даже просто находясь вблизи этого мужчины, я почувствовала себя ничтожеством. Незнакомец угнетал одним видом. Да что там видом, неуловимым движением пальца, которым показал мне убираться отсюда.

Я, как загипнотизированная марионетка, подчинилась, вскакивая с места, ведомая одним желанием – убраться отсюда как можно дальше.

– Послал же бог братца, – пробормотал мой первый визави, неожиданно хватая меня за руку и не отпуская далеко.

– То же самое могу сказать о тебе. – Голос второго пробрал холодом до самого костного мозга. – Отпусти девчонку, нужно поговорить.

– У тебя забыл спросить, что мне делать и когда, – огрызнулся более приятный мужчина и обратился уже ко мне, произнося странную фразу: – Завтра, если будет сильно болеть голова, позвоните по этому номеру.

Он протянул мне визитку, которую я автоматически схватила и, оказавшись на условной свободе, поспешила сбежать прочь от этих двоих как можно дальше.

– Я мог бы приехать к тебе в офис, – недовольно произнес первый. – Последствия твоего выхода в люди потом слишком дорого исправлять!

Это было последнее, что я услышала, а дальше ноги сами собой унесли меня в примерку. Только там паника, накрывшая с головой, немного утихла, и я наконец смогла разглядеть карточку, которую мне вручили.

Ричард Стоун. Старший научный консультант Saks-Technologies.

Я невольно присвистнула. При такой должности да в такой компании Ричард наверняка имел личный бассейн, заполненный кредитами. Одно только непонятно, с чего вдруг у меня завтра станет болеть голова?

Глава 2

– Ну и зачем ты позвал меня? – Ричард отставил мороженое в сторону. При появлении брата-близнеца настроение всегда портилось стремительно быстро.

Герберт сидел ровно напротив, на месте, где еще несколько минут назад была танцовщица. Симпатичная девчонка с грустными глазами и необычной татуировкой.

Ричард был уверен, что завтра она обязательно позвонит ему. Не может не позвонить, особенно после того, как братец прокатился по ее мозгам, подобно асфальтоукладчику.

– Хотел попросить о помощи, – Герберт обвел взглядом скромный клуб, выискивая кого-то или что-то.

Глаза Ричарда даже округлились.

– Помощи? Серьезно? Моей?

Отношения между братьями были натянуты едва ли не с рождения. Пожалуй, кроме одной матери, отца и доли в компании, этих двоих ничего не объединяло. Даже фамилию Ричард сменил, едва позволил возраст, чтобы не зваться одинаково с Гербертом. Да и сама фамилия – Сакс – у Ричарда ничего, кроме раздражения, не вызывала. Слишком дорого звучащая и в современном обществе равносильная словосочетанию – владелец мира.

– Но я уже передумал, – вместо ответа на предыдущие вопросы произнес Герберт.

Он поймал за руку пробегавшую мимо официантку, одним взглядом заставил ее остановиться и замереть в ожидании указаний. – Здесь сидела девушка. Куда она делась?

Официантка вдруг хлопнула ресницами, кокетливо улыбнулась, поправила прическу и промурлыкала: – А хотите я с вами посижу?

Судя по выражению лица Герберта, – не хотел. Он честно пытался не воздействовать на эту девицу, но видимо, не судьба. Тем более не хотелось лезть ей в голову и копаться в мыслях, но пришлось. Попутно считывая все, что она думает о девушке-танцовщице, которая заинтересовала обоих мужчин. Ведь не каждый день стриптизерш угощали настоящим мороженым.

– Приведи ее из примерки, – с нажимом приказал Сакс, закрепляя приказ легким внушением.

Официантка кивнула и, забыв о своих основных обязанностях по разносу блюд, испарилась выполнять.

– У меня не хватит визиток лечить им всем головы завтра, инкуб ты чертов. Ты же не будешь с ними со всеми спать! – хмуро отозвался брат, наблюдая за всем этим произволом. – И зачем тебе та танцовщица? Других женщин мало?

Ричард был слишком умным парнем, чтобы понять – Герберт ведет себя крайне не характерно. Точнее – наоборот, слишком характерно для инкуба и абсолютно непривычно для брата, которого знал как облупленного.

Повышенным инстинктом размножения Герберт никогда не страдал, давя в себе паскудную природу, заменяя болезненную тягу работой или музыкой. А если все же вставала необходимость – обходился профессионалками, которым щедро оплачивал все, начиная от пожизненного содержания, заканчивая пособиями на родившихся дочерей. Интересно, сколько их уже у него?

– Так зачем тебе танцовщица? – повторил Ричард. – И моя помощь?

Герберт с неохотой придвинул брату папку, которую принес с собой. Тот медленно раскрыл ее и погрузился в чтение. В миллионный раз за жизнь Сакс пожалел, что единоутробный брат – единственный человек, чьи мысли он не может прочесть, не считая остальных инкубов, которых в мире по пальцам пересчитать. Хотя инкубы не совсем люди – скорее, венцы эволюции, вобравшие самое лучшее от нескольких видов.

Ричард читал хмурясь, перелистнул страницу и нахмурился еще больше.

– Я не генетик, – наконец произнес он. – Но то, что здесь представлено, нужно проверять. Слишком *волиебно* выглядит.

– Ты физик. – Герберт опять озирался по сторонам. Девушку так и не привели, хотя времени прошло достаточно. – И биолог. Тебе должно хватить знаний для проверки. Я не хочу, чтобы данные утекли куда-то еще.

Брат прищурился.

– Но откуда-то же они к тебе притекли... – Уж очень необычно выглядел генетический анализ, представленный в документах. Пожалуй, нечто подобное можно найти теперь только в образцах ткани умерших лет эдак двести назад. И то не у всех. Ричард все же придвинул обратно к себе вазочку с мороженым и не без удовольствия принялся черпать полурастаявшее лакомство, попутно делясь выводами:

– Даже если анализ не подделка, то в медкарте ясно написано, что девушка в коме. А значит, развить дар нет никакой возможности.

– Та танцовщица – ее сестра. Вполне здоровая и, надеюсь, сговорчивая, – сухо произнес Герберт, вновь начиная искать взглядом. – Куда же она делась? Не нужно было прогонять, когда только увидел.

В памяти Ричарда всплыли испуганные глаза девушки-скрипки, когда над ней навис брат и припечатал внушением, с абсолютно не свойственной ему сдержанностью.

– Действительно, зачем прогонял?

– Мне с детства не нравилось, когда ты брал мои вещи! – ровно ответил Герберт.

Брови брата полезли наверх.

– Вещи? – Ричард даже переспросил. – Ты в своей башне совсем связь с реальностью потерял? Я еще раз повторю. Девушка-то тебе зачем?

– А ты догадайся, – с некоторым вызовом и одновременно едва заметно проступившей горечью произнес Герберт. Особенно сильные чувства иногда пробивались даже у инкубов. – Ты же у нас гений!

Несколько мгновений Ричард помолчал.

– Не-е-ет, – наконец протянул он, когда его осенило догадкой. – Она не согласится. Да и шансов практически нет.

– Если не согласится – заставлю, – упрямо стоял на своем братец. – Но уверен, проблем не будет. Ей нужны деньги на лечение сестры, а я смогу осыпать ее кредитами. Ты проведешь искусственное оплодотворение, и девушка выносит ребенка.

Пальцы Ричарда неосознанно сжались в кулаки. Вот именно за эту циничность он ненавидел брата с самого детства. Инкуб – чтоб его!

Их могли сколько угодно считать венцом творения, но Ричард видел в брате и ему подобных ошибку природы, которую она же старательно пыталась стереть из бытия.

Читающие мысли, умеющие внушать свою волю и подавлять чужую. Их было немного, но даже этого хватило, чтобы после Второй Великой Войны, сто пятьдесят лет назад, первые инкубы буквально подчинили себе мир. Никаких идей глобальных завоеваний, скорее наоборот – удалось объединить Панем и Арсамаз, отстроить все разрушенное, и мир вполне счастливо продолжил существовать и по сей день. Становились выше здания, первые корабли полетели в космос, наука шагнула вперед. Вот только одну проблему инкубы так и не сумели решить.

Чертов гибридный вид! Слишком многое в них было намешано! Ричарду они напоминали генномодифицированные помидоры. Идеальной формы, цвета, вкуса – но не способные к нормальному размножению семенами.

Жизнь инкубов была ярка и насыщена. Подобно вспыхнувшим спичкам, они горели и так же быстро угасали, чаще всего не оставляя после себя наследников. Точнее, сыновей.

А вот дочерей сколько угодно. Обычные человеческие девочки рождались от них с завидной регулярностью, но их папаши не имели к ним никакого интереса.

Отец Ричарда и Герберта – Роберт – нашел крошечную лазейку. Уговорил мать на искусственное оплодотворение. Габриель как ученый-биолог согласилась, лично проведя отбор материала для будущих эмбрионов. Это было неслыханным успехом, когда они поняли, что будет двойня разнояйцевых мальчиков, вот только по факту рождения всех постигло разочарование. Один сын унаследовал дар отца, а второй оказался обычным человеком. Как рассказывала мать: Роберт подержал его на руках минут пять, а после передал акушеркам и приказал назвать мальчика Ричардом. В честь какого-то там дворецкого из далекого прошлого, сыгравшего важную роль в истории семьи Саксов. Тогда это прозвучало издевкой, будто второму сыну с колыбели указали на его судьбу обслуживающего персонала.

Роберт Сакс после этого прожил недолго, до тридцати семи, что было редким долголетием у этого вида. Инкубы вообще редко доживали до тридцати пяти. Правда, стоит отдать должное, «неудавшемуся сыну» оставил в наследство аж пять процентов акций Saks-Technologies.

– Я не буду в этом участвовать, – категорично заявил Ричард. – Во-первых, для меня люди не вещи, а, во-вторых, кроме как у нашей матери, больше ни у кого эксперимент с ЭКО не удался. Ни один эмбрион мужского пола не прижился, сколько ни подсаживали.

Он поднялся со стола и приготовился уйти, но Герберт ухватил за рукав и остановил.

– Мне тридцать три. Ты должен понимать, что это означает. Нужно хотя бы попытаться!

– Пытайся, – равнодушно пожал плечами брат. – У тебя миллионы кредитов и тысячи дур, желающих стать матерями потенциального наследника огромной корпорации.

– Но только потенциальных артефакторов среди них нет ни одной. Ричард, вспомни, сколько лет жили эти люди. Век – полтора. Один из последних, Ян Коуч, дотянул до ста двадцати.

– Возможно, ему помог свежий горный воздух, – не удержался от колкости брат, вспомнив курс истории и место, где доживал последние годы великий артефактор.

– Или эти люди были просто на редкость живучими. Я видел отчет об автокатастрофе, в которую попали эти девушки, – он кивнул на папку. – Выжить было нереально, но они еще на этом свете.

– Одна в коме, вторая изуродована шрамами. Сомнительное проявление выживаемости.

– И все же они дышат, – Герберт упрямо стоял на своем. – Я просто хочу, чтобы мои дети не умирали, едва начав жить. Так почему не попытаться?

С губ Ричарда слетел горький смешок.

– Ты хотел сказать, чтобы твой потенциальный сын не умер... Потому что на остальных детей тебе в принципе плевать!

Он выдернул рукав из пальцев брата и приготовился уйти из клуба, но на горизонте возникла официантка, про которую Ричард Стоун уже успел забыть.

Вид у девушки был проштрафившийся.

– Виола ушла из клуба, – виновато проблеяла она Герберту. – Но если хотите, я могу найти еще кого-нибудь из девочек. Вам ведь для танца?

Глядя на это, Ричард не сумел сдержать смеха.

– Кажется, кто-то перестарался с внушением, желая поскорее освободить стул для своей инкубской задницы! Она от тебя сбежала.

Герберт поднялся из-за стола и, отмахнувшись от официантки, прогнал ее прочь. Поравнявшись с Ричардом, он нарочно задел брата плечом, но через пару шагов все же остановился и бросил, не оглядываясь:

– Завтра она тебе позвонит. Они всегда звонят.

После чего Герберт Сакс покинул клуб, а Ричард остался стоять.

Он сам подошел к барной стойке, расплатился по счету, а после выловил ту самую официантку и вручил ей визитку с просьбой позвонить завтра. Стоуну оставалось лишь проклинать про себя все инкубское племя с их внушением!

Мужчины, как правило, переносили его безболезненно, а вот у женщин мозги кипели. Лечилось подобное либо сексом с инкубом, либо несколькими часами под капельницами с препаратами. А так как спать с официанткой Герберт явно не собирался, подчищать, как всегда, приходилось Ричарду.

Обслуживающий персонал – как и посмеялся отец.

А вот девушку-танцовщицу Ричард жалел заранее. Таким, как Сакс не отказывают. Не согласится сама, заставит... Из-под земли достанет, но своего добьется.

Глава 3

Не успела я успокоиться, спрятавшись от жуткого взора второго типа в гримерке, как раздался звонок на личный визофон. Определившийся номер доктора Моргана из больницы меня абсолютно не порадовал, особенно учитывая позднее время. Ночь была в самом разгаре, и без повода в такой час никто беспокоить не станет.

Если бы у меня было сердце, оно наверняка забилося бы чаще от волнений и кучи противных мыслей, которые тотчас полезли в голову.

– Доброй ночи, – приняв звонок, выпалила я. – Что-то случилось?

– Извините за беспокойство, мисс Райт. – Тон доктора меня немного успокоил. – Случилось, но с вашей сестрой все в порядке. Если так можно говорить в ее случае.

– Тогда почему вы звоните? – я покосилась на электронное табло гримерной. Почти час ночи, значит, все же что-то срочное.

– У аппаратов сегодня опять был сбой, – начал Морган. – Некоторые приборы перегорели и, как вы понимаете, других в больнице уже не было, нам пришлось перевести вашу сестру в другую клинику. В экстренном порядке.

– В какую? – Я уже понимала, куда он клонит.

Больница Гроустон была самой лучшей из дешевых мест, которое я могла себе позволить. И если речь зашла о другой клинике и экстренной перевозке, то мне нужно было настроить себя на дополнительные расходы.

– В центр, – незамедлительно отозвался Морган. – Руководство нашей клиники понимает, что вашей и тем более вины вашей сестры не может быть в том, что уже в третий раз приборы, поддерживающие ее жизнедеятельность, выходят из строя, и никто не возлагает на вас лишнюю финансовую ответственность. Скорее всего, дело в изношенности техники, поэтому ради спасения жизни Тиффани мы перевели ее в ближайшее место... – доктор запнулся, – где ей смогли помочь.

– Сколько? – почти убито выдохнула я, вспоминая самую современную больницу Фелсити. Смогу ли потянуть новую ношу?

– Вам лучше приехать на место и уже там, после разговора с новым доктором, обсудить все условия, – закончил Морган, но напоследок все же добавил: – Я по-человечески понимаю ваше тяжелое материальное положение, мисс Райт, но у нас был выбор либо перевести Тиффани в более дорогую клинику, либо дать ей умереть...

Звучало так, будто он оправдывался.

– Вы все правильно сделали, – твердо выдохнула я. – Скоро приеду.

Стоит ли говорить, что, едва сбросив звонок, я, не смывая с себя макияжа, набросила сверху на «сценический костюм» свою повседневную одежду и буквально вылетела из гримерки. По пути поймала администратора и, объяснив ему все буквально в двух словах, покинула клуб через заднюю дверь.

Мне посчастливилось успеть на последний ночной монорельс в центр, и всю дорогу в полупустом вагоне я пялилась на свое отражение в противоположном стекле и размышляла, откуда взялась эта черная полоса в нашей с сестрой жизни.

Смерть родителей, мое сердце, кома Тиффани, а дальше все хуже и хуже.

Я скатывалась по социальной лестнице, а Тиффани будто само провидение стремилось отправить на тот свет.

За то время, что она была в коме, приборы ломались трижды. Каждый раз новый. То пищалка-тонометр, то аппарат поддержки дыхания. Интересно, что вышло из строя сегодня?

Чертовщина и только. Невольно во мне начинала просыпаться паранойя – вдруг кто-то нарочно ломал технику, чтобы мне пришлось перевести сестру в более высокооплачиваемое место. Вот только смысла в этом не было никакого... Кому мы нужны?

У центральной больницы я оказалась около трех ночи. Смотрела на огромное многоэтажное здание в окружении ему подобных и чувствовала себя немощной букашкой. Пожалуй, в этом районе роскоши и денег только одно здание выбивалось из общего ландшафта – исторический музей имени Аластара Фокса. Он стоял по правую сторону от больницы, был малоэтажным, всего три пролета, и построен из темного кирпича. Я бы с удовольствием полюбовалась красотой архитектуры, но, увы, приходилось спешить.

Подойдя в огромном холле к стойке администрации, быстро выяснила, куда мне идти. Новый лечащий врач Тиффани оказалась женщиной. «Доктор Элликанта Роук», – прочла я на дверях кабинета, куда мне сказали явиться, и чуть ниже куча регалий и степеней.

– Вы сестра Тиффани Райт? – сразу догадалась она, едва я постучалась и заглянула внутрь. – Проходите.

Сев в кресло напротив, я с готовностью уставилась на доктора: уже порядком в возрасте, с умными уставшими глазами в сетке морщин. Она как-то сразу располагала к себе на интуитивном уровне.

– Мой коллега доктор Морган передал мне историю болезни вашей сестры, – начала она, выводя на голографический стол перед собой медицинскую карту с данными. – Весьма интересный случай. Физически ваша сестра полностью здорова.

– Что-то с мозгом, – выдохнула я. – Активности нет.

Подобие улыбки появилось на лице доктора Роук.

– Ну, кое-что, возможно, все же есть. – Она вывела на экран кривые энцефалограммы и ткнула в резкий скачок графика, где амплитуда зашкалила до предела. – Вот непосредственно перед сбоем приборов в старой клинике. Возможно, это аппаратная ошибка, но мне стало любопытно, и я решила лично заняться случаем вашей сестры.

– Намекаете, что это она сломала, что ли?

– Не говорите ерунды, – отмахнулась женщина. – Просто лежащие в коме крайне редко показывают столь сильную мозговую активность. Это любопытно, и возможно, если мы проведем полную диагностику на нашем оборудовании, составим новую терапию, то сможем помочь Тиффани. Что скажете, мисс Райт?

– Боюсь, ваши услуги мне не по карману, – выдохнула я с несвойственным мне чувством стыда за собственную несостоятельность.

Мне было неуютно и стыдно признаваться в бедности и невозможности дать сестре лучшее лечение, потому что у меня нет кредитов, и от всех этих мыслей начинала раскалываться голова.

А ведь по Элликанте Роук сразу было видно, что она высококлассный специалист.

– Мне лично не нужно ничего оплачивать, – доктор произнесла это с особо понимающим выражением лица. – Этот случай интересен мне с научной точки зрения, но вот на работу оборудования, лекарства потратиться придется. Тут никуда не деться.

Она вывела на экран стола текст типового договора с клиникой, где была подчеркнута сумма предварительного лечения на месяц. Ровно вдвое больше, чем в больнице Гроустон.

– Я должна подумать, – сдавленно выдохнула я. – Прежде чем поставить подпись, нужно понимать, смогу ли я потянуть такие финансовые обязательства.

– Прекрасно понимаю. В любом случае у вас есть несколько дней на размышления, пока не закончатся деньги, которые пришли нам на счет от старой клиники.

Я судорожно кивнула, в голове при этом будто атомная бомба взорвалась.

Это все от нервов и переживаний. Очень хотелось попросить таблетку от головной боли, но даже здесь я испугалась, что предъявят счет.

В довершение всего доктор Роук отвела меня к палате сестры.

– В нашей клинике все самое лучшее, – заверила она, указывая на современную медицинскую кровать, на которой лежала Тиффани.

Если бы не бесконечный писк и сотни трубок, сестра казалась просто спящей. Позови – и проснется.

Как принцесса из сказки, она лежала между жизнью и смертью, вот только проблема была не в отравленной груше и даже не в уколе ткацкой иглы¹.

– Я постараюсь найти деньги, – пробормотала и заверила доктора, что определюсь с ответом в ближайшие дни.

Выходя из больницы, я потирала виски, чтобы хоть чуть-чуть снять боль. Она то проходила, то вновь накатывалась волной, отчего я постоянно вспоминала странного посетителя клуба, давшего мне визитку. В свете всего происходившего его уверенность, что у меня начнет раскалываться голова, выглядела странно. Едва добравшись до дома, я выпила две таблетки обезболивающего и попыталась лечь спать. Удалось с переменным успехом, через несколько часов я проснулась от скулежа. Собственного.

То, что накануне показалось адской болью, выглядело цветочками по сравнению с тем, что было сейчас. Рука сама потянулась к визофону набрать номер скорой, но замерла на полпути. Вызов медицинской бригады тоже стоил немалых денег, потому кое-как я добрела от кровати к коридору, где вчера оставила сумочку. Достала оттуда визитку и еще несколько мгновений сомневалась, набирать ли номер.

Мотивацией послужил очередной спазм в голове, после которого я едва не потеряла сознание.

На той стороне ответили сразу. Голос мужчины прозвучал устало:

– Слушаю...

Наверное, я разбудила его.

– Ричард Стоун, – это имя в трубку я буквально простонала, когда попытка сдержать боль не удалась.

С обратной стороны повисло тягостное молчание, а в следующее мгновение тон мужчины прозвучал серьезно и собранно:

– Диктуй адрес!

Дальнейшие события словно стерлись из памяти, а может, я просто лишилась сознания.

Глаза открывала мучительно медленно. Яркий свет ламп сверху резал глаза и заставлял жмуриться. Я попыталась прикрыться рукой, но кто-то мягко удержал за запястья.

– Капельницы выдернешь. – Я узнала голос Ричарда, звучал он немного сварливо. Повернувшись на звук, все же сумела сфокусироваться на лице мужчины.

Он сидел на высоком стуле рядом с медицинским ложем, на котором в окружении кучи проводов и датчиков лежала я.

Меня накрыло несвойственной паникой. Если я в больнице, то дело дрянь, и счет за собственное лечение может загнать меня в могилу быстрее, чем самая жуткая головная боль.

– Где я? – озираясь по сторонам, спросила, при этом отмечая, что больше мигрени нет.

– В моей лаборатории, – только сейчас я заметила, что вчерашний клиент одет в белый халат наподобие врачебного, разве что на этом вышита большая эмблема «Сакс-технолоджис». Как раз сейчас Ричард просматривал показания приборов, а потом с укоризной произнес: – Я ведь просил позвонить, когда заболит голова, а не когда придется вытаскивать тебя с того света.

Не знаю почему, но первой реакцией появилось желание оправдываться, но я задавила в себе этот синдром отличницы, заставляя себя задавать другие вопросы:

¹ Так как мир Панема альтернативен нашему, то и сказки были схожи. Вот только вместо яблока у Белоснежки была груша, а Спящая Красавица укололась об иглы станка.

– Когда вы сказали мне про головную боль, это показалось дурацкой шуткой. Откуда мне было знать, что все пойдет настолько далеко? Да и вообще, с чего вы взяли, что мне станет плохо?

В голову тут же пришла мысль о том, что в мороженом был какой-нибудь хитроумный наркотик, и теперь я сама сдала себя в лапы маньяка.

– Инкуб. – Ричард обронил всего одно слово и встал со стула, отходя подальше от кровати. – Ты попала под его внушение. Если девочка не глупая, сама догадаешься, где и когда.

Внутри все похолодело, а в следующий миг я даже рассмеялась и расслабилась. Это Ричард так шутит. Не могла я ну никак вчера пересечься с инкубом, а тем более, чтобы тот мне по мозгам проехался. Это ведь прописная истина: попадешь под влияние инкуба – на ночь останешься с ним. Устоять невозможно, сколько ни сопротивляйся. Все равно окажешься с ним в постели, а утром еще и брюхатой...

– Хорошая шутка! – Я даже аккуратно похлопала в ладоши, чтобы не сбить капельницу из вены. – Но я вчера в начале вечера была в клубе, а потом в больнице у сестры. И никак не могла бы переспать с...

– Если бы переспала, то и не заболела бы, – перебил Ричард, вновь подходя ко мне на этот раз с двумя таблетками и стаканом воды. – Поверь, я знаю про этих чертей все.

Он не выглядел приколистом, но в пользу моей теории говорил еще тот факт, что в нашем обществе инкубов по пальцам пересчитать можно. Слишком богатые, слишком могущественные, слишком желанные, даже несмотря на последствия. Их фотографии и интервью регулярно транслировались по визорам, так что увидь я настоящего инкуба, тотчас узнала бы в лицо и сбежала как можно дальше.

Это только глупые девочки, мечтающие о принце из сказки с большими деньгами, тайно лелеют надежду оказаться в постели с инкубом. Мне же еще мать вбила в голову держаться от подобного как можно дальше.

Словно наяву я вспомнила диалог с ней.

– Ты красивая, Виола, и скоро станешь знаменитой спортсменкой. На тебя уже обращают внимание очень неприятные типы, и вместе с успехом их будет становиться все больше. Появятся «спонсоры», «тренеры» и прочие желающие... они только все испортят.

– А девочки из сборной мечтают об инкубе, что однажды один из них увидит и влюбится...

– Дурочки твои девочки. – Мать в тот момент поправила мои растрепанные волосы, пригладив их рукой. – Эти мужчины не умеют любить, утверждаю как психолог. Работа проще заставить сопереживать, чем инкуба...

– Выпей таблетки, – вырвал из собственных мыслей Ричард, протягивая стакан. – И можешь идти домой.

Я скинула на него взгляд, а в следующий миг покачала головой. Теория про то, что этот тип меня вчера опоил, вновь показалась правдоподобной.

– Не буду я ничего пить. Не было вчера в клубе инкубов, я скорее поверю, что это вы мне что-то подсыпали и теперь хотите снова накачать наркотой.

Мужчина закатил глаза к потолку и отставил стакан в сторону.

– Хорошо, не пей, – с легкостью согласился он. – Но когда к вечеру опять возьмешь билет на тот свет, мне не звони.

Ричард мимолетным движением по сенсорам отключил медицинские приборы, даже ловко выдернул катетер из вены и, пока я пребывала в состоянии легкого шока, залепил ранку пластырем.

– Свободна. – Он кивнул в сторону двери. – Лифт чуть правее по коридору.

Стоит ли говорить, что с кровати я вскочила и тут же рванула к двери. В спину донеслось насмешливое:

– Сумочку забыла с ключами.

Замерев, я медленно обернулась и недоуменно уставилась на Ричарда, протягивающего мой рюкзак. И как только сумочкой язык назвать повернулся?

– Или ты думала, что когда я тебя забрал, то оставил все нараспашку? У тебя там, конечно, не дворец, но закрывать за собой двери я умею.

Я вспыхнула краской, в два шага миновала расстояние между нами, вырвала рюкзак и все же выдавила из себя слова благодарности:

– Спасибо за помощь.

– Таблетки все же возьми. Выпьешь вечером.

Так и хотелось воспротивиться, но блистер с пилюлями все же бросила в рюкзак.

Внезапно двери за спиной хлопнули, впуская холодный сквозняк из коридора. Лицо Ричарда в одно мгновение окаменело. В отличие от меня, стоящей спиной к вошедшему, он посетителя видел.

– Я ведь говорил, что она позвонит. – Я узнала голос вчерашнего, второго гостя из клуба, и у меня мурашки по спине пробежали от его звучания. Абсолютно не сочетаемые ощущения: будто одновременно десятки мурчащих котиков потерлись о тебя своей бархатной шкуркой и тут же располосовали когтями, как у дикого тигра, всю душу. – Твое желание вставить мне палки в колеса весьма забавно, Ричард, но ты же знаешь, что это бесполезно!

Будто в замедленной съемке я обернулась и пересеклась взглядом с вошедшим мужчиной. Инстинктивно захотелось вжать голову в плечи и сбежать куда подальше.

Опять вернулось чувство, будто меня, простую смертную, поставили рядом с божеством, и теперь его величественный свет опалает мою кожу до смертельных ожогов.

– Я, пожалуй, пойду, – пискнула и попыталась сбежать, обогнув по широкой дуге жуткого типа, чтобы прошмыгнуть ему за спину к двери. – Кажется, я здесь лишняя.

– Не торопись, милая. – Словно гепард, он перетек из одной позы в другую, неожиданно перехватывая меня под талию одной рукой и не выпуская из кабинета. – Ты как раз самое главное звено.

Я хотела начать сопротивляться, пищать, брыкаться, но меня, похоже, чем-то тяжелым по голове стукнуло. Точнее мое тело, потому что разумом я понимала, что нужно бежать, а оно застыло послушной марионеткой в руках этого типа.

– Прекрати, Герберт, – прошипел Ричард. – Девчонка чуть не умерла от твоего внушения в прошлый раз, я едва вытащил ее.

– Весьма похвально, – ровно и в то же время одобрительно ответил все еще удерживающий меня мужчина. – А еще крайне умно отвезти ее не в центральную лабораторию, а в эту, на окраине города. Надеялся, что сюда я не явлюсь?

– Я не собираюсь тебе ничего объяснять. Сними воздействие, для нее это вредно.

Я слушала их разговор, словно со стороны. Понимая все, но при этом не в силах никак среагировать. Мне хотелось бежать, а я словно приросла к этому месту.

– Перестану на нее воздействовать, когда она согласится на мои условия. – Герберт подтолкнул меня обратно к медицинской кровати, и тело, как дрессированная собачка, выполнило его прихоть. Село на ложе и протянуло руку, где на сгибе локтя красовался пластырь.

И тут до меня окончательно дошло. Ричард не врал, говоря, что на меня воздействовал инкуб. Вот же он стоит передо мной, самый настоящий и абсолютно неизвестный ни по каким новостям или светской хронике. Повелевает моими действиями, как ему угодно, а я ничего, абсолютно ничего не могу сделать.

Мужчина сам поставил мне капельницу заново, удивительно ловко попав иглой в вену.

– Мать моего ребенка должна быть здоровой, – подытожил он, отходя на шаг от кровати.

У меня же в голове царила полная неразбериха и паника. Что от меня хочет этот тип? Зачем я ему, и какой, к чертям, ребенок?

Мне показалось даже, что мое механическое сердце забилося в груди так часто от страха, будто настоящее, и приготовилось выпрыгнуть наружу.

Особый приступ возмущения вызвало то, с какой брезгливостью Герберт поднял мой упавший на пол рюкзак и без зазрения совести полез внутрь, чтобы достать оттуда таблетки. Те самые, что заставлял выпить ранее Ричард.

– Противозачаточные? – усмехнулся Герберт. – Сроком на полгода. Весьма умно с твоей стороны, братец, но не поможет!

Братец? А ведь точно, они еще вчера говорили об этом, просто у меня из головы вылетело.

– Отстань от девчонки. – Ричард тоже подошел к моей кровати и снова запустил медицинскую диагностику по приборам. – Все равно ничего не выйдет. Знаешь, как говорят обычные люди, – «не судьба».

– Я не верю в судьбу, когда есть наука. Если ЭКО не проведешь ты, я найду другого специалиста.

Не знаю, что меня бесило в этот момент больше: то, что они говорили так, будто меня рядом не существовало, или то, что меня вознамерились использовать и попользоваться. От злости в душе я даже упустила момент, когда способность двигаться вернулась окончательно. Это произошло так резко, что я вскочила с места, едва не выдрав катетеры с мясом и потянув за собой капельницу.

– А ну-ка сядь. – Новый приказ ножом полоснул по сознанию, пока я пыталась вытащить иглу из вены.

– Сам сядь! – автоматически рывкнула в ответ, шипя от боли и зажимая руку в локте. Похоже, я по неосторожности не хило себе там навредила, но синяки на вене меня сейчас волновали меньше всего. Судорожно понимая, что у меня появилась возможность бежать, я буквально выдрала рюкзак из рук Герберта и бросилась к дверям.

Ручка не поддавалась, оказавшись заблокированной. Словно мышка в клетке с кошками, я заметалась взглядом по лаборатории в поисках спасения.

Вот только коты ловить меня не спешили, что один, что второй смотрели на меня странно. У Ричарда по лицу расплзалась непонятная улыбка, а у Герберта судорожно дергался уголок губ.

– Вернись обратно, – повторил он, неотрывно глядя в глаза. – И сядь на кровать немедленно!

Будто физически меня накрывало волнами, давящими волю, вот только ощущались они теперь липкой и очень противной паутиной, которую пусть и не без труда, но можно с себя стряхнуть.

– Отпустите меня! – наконец нашла в себе силы произнести я. – И я никому не скажу, что вы меня похитили и собирались изнасиловать!

В этот момент Ричард расхохотался.

– Кто бы мог подумать, – наконец произнес он, пока я пялилась и пыталась понять, что же здесь смешного. – Она может сопротивляться! Великолепно, это даже лучше, чем все противозачаточные мира.

Он издевательски похлопал брата по плечу, после чего Герберт отмер. Хотя нет, отмер – неправильное слово, он и не застывал.

Все это время он стоял с видом робота-компьютера, который анализирует ситуацию.

– Никто тебя не собирался насиловать, я хотел предложить сделку, и ты бы согласилась, – произнес он.

– Вот уж вряд ли, – огрызнулась я и вновь дернула ручку. – Выпустите меня немедленно! Хотелось как можно скорее оказаться подальше отсюда и забыть все, как кошмарный сон.

– Да пожалуйста, иди. – Ричард с явственной прытью бросился отпирать двери.

– Нет! – Голос Герберта по-прежнему действовал на меня странно, было желание слушать его вечно. Наваждение какое-то. – Она никуда не пойдет, пока не выслушает!

– Свяжешь, что ли, или к стулу прикуешь? – Ричард вскинул бровь. – Тогда без меня. Я в этом не участвую.

Инкуб его вопрос проигнорировал, в несколько шагов миновал разделяющее нас расстояние, заставляя меня вжаться спиной в поверхность двери.

– Я знаю о тебе все, – начал он. – У тебя провалилась карьера гимнастки, ты живешь впроголодь и танцуешь стриптиз, чтобы оплатить медицинское обслуживание сестры. И я могу помочь тебе в обмен на ответную услугу. Тебе ведь нужны деньги? Очень много денег?

– Нет! – замотала головой, и без его «заманчивого предложения» я уже догадалась, куда он начнет клонить. Слышала что-то про ребенка, могла сложить два плюс два, чтобы сделать выводы – его предложение меня не устроит. – Деньги всем нужны, и для себя я их заработаю!

Пожалуй, происходящее сейчас было для меня лучшей мотивацией начать работать еще больше, лишь бы под колпак вот к таким «инкубам» не попадать. И плевать, что центральная клиника в два раза дороже – справлюсь.

Словно читая мои мысли, хотя почему словно – он их явно продолжал читать, – Герберт настаивал:

– А когда очередные приборы сломаются и переводить твою сестру станет некуда, что будешь делать?

Мое тело сковало оцепенением. Я с ненавистью просверлила этого урода, хотя внешне красавца, взглядом и прошипела:

– Так это вы? Вы все сломали?!

В душе кипели злость и отчаяние, потому что еще недавно я задавалась вопросом, кому мы с сестрой нужны? И вот, оказывается, очень нужны. Проклятому инкубу, непонятно только зачем.

– О нет, детка. – Герберт даже руки поднял, словно показывая, что безоружен предо мной. – Ни я, ни мои люди здесь совершенно ни при чем, но я знаю причины и **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** могу помочь!

Слово «детка» меня резануло по ушам, и все же этот подонок сумел надавить на главную болевую точку, я заинтересовалась.

– Хорошо, я вас выслушаю! А взамен вы расскажете все, что знаете!

– Прекрасно, – тут же отозвался Герберт, хотя голос источал всю ту же холодность, что и ранее. – Пошли за мной!

Я опять почувствовала волну внушения, исходящую от него, которую тут же инстинктивно отбросила в сторону. Вопросом, как у меня это выходит, я пока не задавалась, самой страшно было.

– Одна я с вами никуда не пойду. – Я покосилась на Ричарда. В этой партии он явно играл на моей стороне, а значит, надо цепляться за любых союзников. – Ваш брат пойдет с нами.

– Эта девушка с каждой минутой нравится мне все больше и больше. – Ричард расслабленно сел на один из стульев. – Еще немного, и я рассмотрю вариант на ней жениться и обломать тебя окончательно, Герберт!

Краска залила мои щеки. Эти двое были странными, и хотя симпатии неумовимо располагались на стороне Ричарда, я все равно ощущала, что все, сделанное им, сделано назло брату, а не во благо мне.

– И вообще, зачем куда-то идти? – вдруг дошло до меня самое главное. – Говорите здесь!

Я боком сумела выскользнуть от Герберта и облюбовала второй свободный стул в помещении. Инкубу теперь садиться было некуда.

Но, кажется, его это абсолютно не смущало, он и стоя чувствовал себя преотлично.

– Ну, и кто ломает приборы моей сестры? – Свалить отсюда хотелось как можно раньше, поэтому и вопросы я задавала в лоб.

– Ваша сестра, – не моргнув глазом, ответил Герберт.

– Не смешно.

– А похоже, что мне весело? – Инкуб все же нашел, куда уместить свой величественный зад, присев на край медицинской кровати. – Расскажи лучше, что ты знаешь об артефакторах?

Я напрягла память, воскрешая школьный курс истории, вспомнилось немного:

– Вымерли.

– Весьма красноречиво, – встрял Ричард. – И что, больше сказать нечего? Не заставляй меня разочаровываться в твоих интеллектуальных способностях.

Я гневно зыркнула на этого защитника.

– Можно подумать, я на экзамене. – Но все же свой предыдущий ответ дополнила: – Считались магами, потому что в те времена их способности объяснить не могли. На деле же просто их мозг работал несколько иначе, чем у остальных людей. Способности управлять электромагнитными волнами и полями позволяли им взаимодействовать с неживыми предметами на квантовом уровне, меняя свойства материи. А потом они, как и целители, исчезли, лет эдак сто пятьдесят – двести назад без причин.

– Ну, – протянул уже Герберт. – Причины были, и немалые. Они просто выродились генетически. Если долго сводить породистых котят с дворовыми кошками, они очень быстро перестанут быть породистыми. То же самое произошло и с целителями. А вот суккубов и менталистов подобное не коснулось.

Я скрестила руки на груди, зачем мне сейчас решили прочесть вводный курс истории и генетики, упорно не понимала.

– Ну и какая связь между выродившимися артефакторами и моей сестрой?

– Самая что ни на есть прямая. У вас в роду были люди с такими способностями?

Пожала плечами, ибо не имела ни малейшего понятия.

– По всей видимости, были. – Герберт принялся чертить в воздухе какую-то схему, похожую на генеалогическое дерево. – Иногда утраченные наследственные признаки все же возрождаются через несколько поколений. Шансы, конечно, призрачны, но так случается. Когда у обоих родителей присутствуют нужные гены. Именно это произошло с вашей сестрой и вами. Ричард, у тебя ведь есть данные анализов мисс Райт?

Пусть и с неохотой, но Стоуну пришлось встать со стула, включить голограф и вывести туда кучу данных, в которых я ни слова не понимала.

– Если в двух словах, – Ричард ткнул в одну из строк. – Ваши генотипы весьма похожи на те, что были у артефакторов двести лет назад. И вполне возможно, что ты талантлива не только в спорте и танцах, но и могла бы создавать удивительные вещи, если бы умела.

– Полный бред!

– Возможно. – Герберт тоже подошел в голографу и вывел туда данные энцефалограммы, которую я вчера видела на столе у врача Элликаны Роук. Чего только не достанешь, если есть деньги. – Но вот эти скачки активности мозга только доказывают, что твоя сестра не настолько в коме, насколько может показаться. Каждый раз перед полумкомой был всплеск, и то... – на экране вывелись еще три похожих графика, – ...что техника ломается именно после них, только доказывает мою правоту.

Я покрутила пальцем у виска, встала и приготовилась убраться из лаборатории.

– Довольно. Больше не собираюсь слушать ваши сказки. Признайтесь, что это вы ломали технику, и не вешайте мне лапшу на уши! Когда моя сестра была здорова, никаких чудес она не совершала, воду в вино не превращала и была вполне обычным подростком!

– Обычные подростки не выживают в авариях, в которых невозможно выжить, – очень неохотно подтвердил Ричард. – Я ознакомился с твоей и ее историями. Вы должны были бы стать трупами. Особенно ты.

– Вот уж спасибо, – процедила я. – Только это ничего не доказывает, просто случаются чудеса и иногда люди выживают там, где это невозможно!

– Либо они живучие артефакторы. И здесь мы возвращаемся к основной теме. – Герберт поправил манжеты и без того идеально сидящей рубашки, и выдал: – Мне нужно, чтобы ты родила мне сына!

Я подавилась воздухом, которым дышала.

– А больше ничего от меня не нужно?

– Это крайне выгодное предложение, – напрочь игнорируя мой вопрос, продолжал инкуб. – Мне необходимо потомство с потенциальной способностью к долголетию, а тебе – деньги и ведущие специалисты для сестры.

– Я не собираюсь с вами спать! – взвизгнула от возмущения, окончательно понимая, что мне удивительно везет, что этот тип не может приковать меня взглядом к полу и заставить кивать, словно болванчика.

– Я тоже не собираюсь с тобой спать. Искусственное оплодотворение решит ряд проблем и увеличит шансы получения эмбриона мужского пола.

– Да пошел ты! – Я напрочь потеряла все способности к вежливости и направилась к двери.

– Сто тысяч кредитов, – донеслось в спину... Астрономическая сумма, но я даже не замедлила шаг. – Миллион.

Дернула ручку, открывая дверь, и выскользнула в коридор.

– Пожизненное содержание для тебя и твоей сестры. – Сказать кому, что за мной идет инкуб, и я ему отказываю, не поверят.

Я перешла на бег, добралась до лифта и теперь колотила по кнопке вызова, спиной ощущая, что этот тип уже стоит позади.

– Тебе нужно только родить и выносить. Только и всего. Если же ничего не получится, я отпущу тебя восвояси с неустойками.

Я развернулась резко, задрала голову, пытаюсь ровно смотреть в глаза этому мужчине. И все же он давил, аурой, очень хотелось сжаться в комок и согласиться со всем, что он хочет, лишь бы не смотрел ТАК.

– Если согласишься, то я найду способ привести твою сестру в сознание, – это был явно его последний аргумент. – Клянусь!

Я замерла, раскрыв рот. Потому что, пожалуй, это была самая весомая часть его предложения, заставившая меня задуматься. И клятва. Инкубы разве умеют клясться?

Со стороны раздались аплодисменты, они вырвали меня из состояния оцепенения и заставили обернуться. В паре метров стоял Ричард, привалившись к стене, он с наигранным восторгом хлопал в ладоши.

– Весьма изобретательно, братец! – произнес он. – Я почти проникся трогательностью момента. Вот только знаешь, тебе в этой жизни слишком многое легко достается. Решил купить себе девушку?

– Не лезь! – В голосе Герберта, который до этого звучал абсолютно ровно, послышались нотки злости.

– Поздно, ты сам меня в это втянул. – Ричард отлип от стены и подошел ко мне. Где-то за спиной раскрылись двери лифта, и мужчина втолкнул меня в кабину, говоря по пути: – Не только у инкубов полно кредитов, чтобы покупать людей. Я оплачу лечение твоей сестры сам. Абсолютно бескорыстно! И возможностей на исследование вашего феномена у меня не

меньше. Разве что клясться я не стану, потому что не уверен в успехе. Так что иди, Виола, и не вздумай продавать так дешево то, что подарила тебе природа.

Двери лифта сомкнулись, отрезая меня от этой парочки. Дрожащей рукой я нажала на кнопку первого этажа и только сейчас осознала, насколько сильно меня колотит. Так, как никогда в жизни, даже перед самыми важными соревнованиями.

Ноги подломились, и я осела на пол кабины, руки автоматически потянулись к сердцу, почувствовать, как оно бьется.

В голове царил полный сумбур, и только механический имплант бился ровно и четко, не зная сбоев.

* * *

– Ну и зачем ты это сделал? – если бы Герберт умел выходить из себя, сейчас он напоминал бы кипящий чайник. – Тебе доставляет удовольствие делать мне гадости?

– Мне доставляет удовольствие мешать тебе делать гадости другим людям.

– Она почти согласилась. Какое тебе вообще дело до девчонки?

Ричард пожал плечами:

– Абсолютно никакого. И она не соглашалась. Есть большая разница между добровольным согласием и тем, что ты ее вынудил согласиться.

– Ты же знаешь, что я всегда добиваюсь своего. Всегда!

– Вот и прекрасно. Добивайся! – Ричард развернулся и направился к лаборатории. – Хоть один раз чего-то по-настоящему! Считай, я подарил тебе этот уникальный шанс.

Глава 4

Кажется, это было мое самое скорое возвращение домой. Не припомню, чтобы когда-то еще я бежала сюда так быстро.

Двери действительно оказались заперты, как и говорил Ричард, поэтому, едва открыв их, я тут же закрылась изнутри и в припадке безумной паранойи зачем-то подставила под ручку стул. Лишь позже я поняла, что если такой, как Герберт, все же решит меня достать, то деревяшка на шатающихся ножках вряд ли станет ему преградой.

Даже жаль, что я не артефактор! Так бы постаралась превратить стул в крокодила!

Ну, бред же. Вымерли эти люди очень давно, и совершенно невозможно, чтобы я и моя сестра вдруг ни с того ни с сего оказались одними из них.

В памяти всплыл вопрос о том, были ли у нас в роду люди с такими талантами. Да черт его знает. Ни мать, ни отец никогда не говорили о подобном, они, скорее всего, и сами не знали. Даже если кто-то и был, то разве можно спустя так много лет это выяснить?

Ведь столько всего случилось за полтора века – Вторая Великая Война, несколько крупных землетрясений, пара наводнений.

Мои предки могли быть кем угодно. Пожалуй, все, что я могла с уверенностью сказать о своем роде, так это то, что фамилию Райт никто не менял. Даже женщины после замужества. Какая-то там прабабка завещала, чтобы фамилия была жива и передавалась дальше. Мой отец не единожды говорил, что правило уже изжило себя, и если я и Тиффани когда-нибудь решим выйти замуж и принять имя мужа, то он не будет против.

А вот по материнской линии с родством было еще сложнее. Бабушка маму, можно сказать, нагуляла. Во времена ее молодости это было совершенно неудивительно – общество переживало кризис, нравы молодежи стали весьма разнузданными, вот и натворила бабуля глупостей по неразумению. Потом она, правда, ни о чем не жалела. Остепенилась сама и дочь сумела поставить на ноги, и я гордилась своей матерью, при жизни она была одним из лучших психологов в Фелс-сити.

Так что теоретически Герберт и Ричард могли быть правы, но вот практически – шансы ведь один на миллион, что обе сестры унаследовали нужные гены.

Эх, это у инкубов все просто – они свое генеалогическое древо знают до десятого колена, у них никогда не возникает вопросов, кто был их отцом или матерью.

С этими мыслями я добралась до своей крохотной спальни и полезла разбирать коробки из старой квартиры. При переезде многие вещи отца и матери у меня не поднялась рука выбросить, и, как черепашка со своим панцирем, я перетаскала их в съемную конуру.

И сейчас я искала лекции матери, которые она вела у студентов в местном университете. Там наверняка было что-то об инкубах, уж слишком они оказались интересны и заметны, чтобы психологи не пытались анализировать этих людей.

Конечно, можно было бы поискать информацию в сети, но что-то мне подсказывало, там будет не очень много правдивой информации. Мать же интересовалась этой темой не один год и тщательно изучала. Главное, найти ее записи!

Папки с материалами обнаружили на дне одной из коробок, я аккуратно вытащила их наружу, провела по мягкому переплету, так же когда-то делала мать, а после принялась листать многочисленные лекции в поисках нужной. До этого я никогда не интересовалась психологией. Эта наука казалась мне простой и интуитивно понятной. Вот только распечатки пестрили кучей текста, незнакомыми мне словами, и, еще не найдя искомое, я задумчиво отметила, что придется попотеть, чтобы разобраться в том, что мать писала об инкубах.

Но ни одной отдельной статьи, посвященной таким, как Герберт, не нашлось. Зато нашлась иная: «Феномен слияния дара». В ней рассказывалось о детях, рожденных от мен-

талистов и суккубов. Сочетание очень редкое, буквально несколько случаев в истории, но от этого лишь более интересное.

Рожденные девочки не были иллюзорницами в том понимании, как все привыкли видеть обычно. Талант менталиста, полученный от отца, у таких детей давал просто непредсказуемые результаты – например, не просто считывание чужих эмоций, а возможность чтения мыслей на расстоянии, а также создание иллюзии без поцелуев или внушение собственных мыслей без тактильного контакта.

Было у столь сильного таланта и побочное действие – эмоциональный фон этих девочек был абсолютно нулевым. Как писала моя мать, скорее всего, природа выработала подобный механизм защиты от постоянного считывания чужих эмоций и мыслей, поэтому обрезала способность чувствовать у самих обладательниц дара, чтобы защитить психику.

Всего в истории было задокументировано три случая рождения подобных менталисток-суккубов, двое из которых умерли бездетными, так и не сумев никого полюбить. Третья же (я прочла имя, которое знал буквально каждый школьник нашего общества) – Мила Лизабет Франц каким-то образом все же умудрилась забеременеть от Роберта Деймона Сакса и родила вопреки всяким логикам мальчика.

– Бенжамин Сакс, – я зачитала имя первого инкуба. Того самого, кому общество теперь было благодарно за остановленную войну, и сглотнула. – Что ж, я могла бы и раньше догадаться об этих причинах и следствиях, если бы интересовалась. Так что нечего теперь делать удивленное лицо, Виола. Тобой заинтересовался инкуб – умеющий читать мысли, подавлять волю и при этом практически полностью лишенный собственных эмоций, и тебе очень повезло, что ровно половина его таланта на тебя не действует, а значит, есть большой шанс отвязаться.

В этот момент рядом зазвонил визофон, и я вздрогнула от неожиданности. Судя по определенному номеру, звонила врач Тиффани.

– Алло, – очень осторожно произнесла я в трубку, сама не зная, что ожидаю услышать. Хорошее или плохое.

– Доброго дня, мисс Райт! – Голос с той стороны был бодр и источал напускной оптимизм. – Огромное спасибо, что так быстро сумели перевести деньги. Они уже поступили на расчетный счет больницы.

В моем горле пересохло. Похоже, Ричард не бросал слов на ветер и в порыве насолить брату действительно оплатил содержание Тиффани.

– Спасибо, что сказали, – кое-как выдавила я и понадеялась, что Элликанта сейчас повесит трубку, но она почему-то тянула. – Что-то еще, доктор Роук?

– Да... – Вся радость и бодрость из голоса исчезла, сменяясь легкой растерянностью. – Случилось кое-что еще...

– Что именно? – Наверно, я уже ничему не удивлюсь этим днем.

– Сегодня в клинику приезжал один из меценатов. Это очень могущественный человек, и...

– Говорите уже.

– Он очень долгое время провел у палаты вашей сестры, а потом... опять был скачок мозговой активности, после которого перегорели приборы. Но господин Сакс сказал, что сам все оплатит, поэтому не стоит ни о чем беспокоиться.

Я закашлялась. Этот тип теперь и к моей сестре пошел... И аппараты опять сломались. После этого только дурак может поверить на слово, что в регулярных сбоях нет его вины.

– Спасибо, что сообщили, – наконец нашлась я, после чего все же положила трубку.

Мне стоило очень хорошо подумать, что делать дальше и как избавиться от внимания этого человека. Смущало только то, что слишком многое для этого требовалось от Ричарда. А вот могла ли я ему доверять? Ведь в полицию идти явно бесполезно.

Итак, что я имела в итоге. Инкуба, чье лицо не показывали по каналам, и тем не менее... память тут же резануло нестыковкой.

Элликанта Роук назвала Герберта по фамилии, которой я и сама в тот момент не знала. Ведь ни Ричард, ни сам Герберт мне ее не называли. Скорее, мое сознание само ее связало после прочтения статей матери с этим инкубом, а вот Элликанта назвала Герберта мистером Саксом, что уже было странно. Почему знает она и упустила я?

Все инкубы были так или иначе братьями, но фамилии со временем некоторые изменили, чтобы не походить безлико друг на друга. Словно ища подтверждение своим словам, я все же полезла в сеть.

Поисковик выдал больше десятка вполне знакомых лиц: Освальд, Квентин, Гарри...

Дальше я даже не вникала, потому что Герберта среди них точно не было.

Попытка найти хотя бы одну его фотографию, вбив имя и фамилию, тоже провалилась, даже про Ричарда Стоуна я нашла больше.

Приемный сын Роберта II Сакса, физик, биолог, дальше шли данные о финансовом состоянии и активах в компании, частично доставшейся от отца. Фраза про приемного сразу цепанула взгляд, может, потому Ричард и не в ладах с братом? Это, наверное, закономерно, что дети из приюта не любят родных детей, и наоборот?

Я попыталась найти хоть какие-нибудь ответы, кто же такой Герберт на страничке с информацией о его отце, но и здесь меня постигло разочарование. По официальным данным родных детей у Роберта не было, а после смерти основная доля Saks-Technology перешла под управление совета директоров.

Из чего я сделала вывод, что Герберт от общественности скрывается гораздо тщательнее, чем его кузены, а вот Элликанта, когда мне звонила, либо прокололась, назвав настоящую фамилию Сакса, либо находилась под воздействием этого подлеца, и он просто решил зайти с другого бока, продолжая давить на меня не только через сестру, но и ее врачей.

Порыв бросить все и лететь сейчас же в клинику, чтобы забрать оттуда Тиффани и перевести еще куда-нибудь, я тут же подавила. Импульсивные поступки – это очень плохо. Во-первых, если инкуб решил, что моя сестра прекрасный рычаг, то он точно ничего ей не сделает. Потому что без хорошего крючка я точно сорвусь. А, значит, он попал в замкнутый круг: пока я ему нужна – он ничего не сделает Тиффани. А во-вторых, счета ведь уже были оплачены, а значит, мне глупо отказываться от хорошей клиники, разве что теперь очень захотелось сменить доктора на другого... Так, на всякий случай.

За всеми этими мыслями я совершенно не заметила, как пролетело время, и прозвенел будильник, напоминающий, что пора на вторую работу.

Ресторан бургеров ждал выхода на смену кассирши, посудомойки и уборщицы в моем лице. Позволить себе не пойти я не могла. Потерять даже такую должность было непозволительной роскошью в моем и без того шатком положении.

Преодолевая усталость от бессонной ночи, я переоделась и поплелась пешком в один из районов, смежных с тем, где я снимала жилье.

Аммивиль. В основном здесь обитал средний класс горожан, которым хватало на размеренную жизнь без излишеств, но и не впроголодь. У многих имелись личные кары, хоть и взятые в кредит, хорошие визофоны последних моделей, модная одежда. На местных улицах часто играли дети, хотя в целом это считалось небезопасным даже в таком районе. Преступность все же давала о себе знать. В остальном же здесь было вполне комфортно.

В ресторане «Горячие булочки» сегодня было тихо. Клиенты не спешили закупаться вредным синтетическим фастфудом, а редкие прохожие из-за сильной жары на улице чаще всего брали мороженое и холодную газировку.

К середине смены я невольно начала ловить себя на мысли, что мне постоянно чудится, будто вот-вот в кафе войдет Герберт.

Словно издеваясь, моя нервная система стала искать его присутствие в каждом, кто подходил к моей кассе, и это изводило особенно сильно. За несколько часов до конца смены я попросила у директора доработать смену вне зала, и тот, пожав плечами, отправил меня мыть полы на кухне и в подсобных помещениях.

Еще никогда я так не радовалась ведру и швабре. Заканчивая с уборкой, я уже предвкушала, как вернусь домой, закроюсь на все замки и наконец немного посплю. Но, видимо, моим планам не суждено было сбыться.

Едва я вышла на улицу после смены и вдохнула полной грудью воздух, раздался звонок.

Номер администратора клуба Томаса заставил напрячься. Он никогда не звонил мне сам.

– Слушаю, – осторожно отозвалась я.

– Виола? – Голос мужчины был устал и измучен. – Ты сегодня сможешь выйти?

Если честно, совершенно неожиданный вопрос. Томас никогда не звал меня выступать вне графика. А единственный раз, когда я вышла в неположенное время, так и то сама его уговорила.

– Что-то случилось?

– Да. – Было слышно, как с той стороны Томас что-то чиркает стилусом на планшете. – Марго, Зоуи и Хлоя – эти три дурехи разбились сегодня на каком-то каре. Уехали вчера из клуба с богатым полупьяным клиентом, а сейчас мне позвонили из больницы и сказали, что все четверо попали в аварию.

Дыхание перехватило в груди. Катастрофы такого рода были для меня болезненной темой, и пусть с девчонками я не ладила, но даже им такого не желала.

– Они живы?

– Парню переломало ноги, а этим, – Томас опять застучал по планшету, – дурам, видимо, везет: одна расквасила нос, когда сработали подушки, вторая руку вывихнула, а у Зоуи большая ссадина на пол-лица. В общем, жить будут, но вид не товарный, а сегодня пятничный вечер. Мне нужно кого-то выпустить на сцену! Ты придешь?

Несколько секунд ушло на раздумья.

– Нет. Извини, я очень устала. Позвони Кэтрин.

– Звонил уже, но одна Кэтрин не сможет танцевать всю ночь. Виола, выручай. Двойная оплата!

Я тяжело вздохнула... уже решив согласиться.

– Тройная, – тут же добавил Том, видимо, решив, что мой вдох – это подготовка к отказу.

– Хорошо, договорились, – выпалила я и тут же добавила: – Но в зал работать я не пойду.

– От тебя и не требую. – Голос Томаса выдал львиное облегчение. – Я тебя прикую к шесту на сцене, лишь бы оттанцевала весь вечер и не сбежала, как ты любишь!

Шутка вышла так себе, но уголок моих губ невольно дернулся.

Попав в квартиру, я приняла душ и все же заставила себя лечь и немного поспать. До смены в клубе оставалось еще четыре часа, поэтому немного отдохнуть я успевала.

Глава 5

В пятницу в клубе всегда полно народа. Битком, можно сказать.

И обычно за смены перед выходными девчонки буквально дрались, на кону без малого стояла огромная выручка и чаевые, но сегодняшний вечер стал исключением. Три танцовщицы на огромный клуб – это очень мало.

Томас хмуро осмотрел меня, Кэтрин и Сандру и невесело щелкнул языком.

– Клиенты вас разорвут, – отметил он. – На сувениры, потому что не поделят.

Я неуютно поежилась от представившихся перспектив, но тройная оплата заставляла меня взять себя в кулак и настроиться на бесконечно длинный вечер у шеста. Сегодня, можно сказать, мой бенефис. На сцене только я, а Кэт и Сандра в зале.

В гримерку без стука вошел заместитель директора Лайн Хендриксон, хмуро осмотрел наш неровный ряд, а потом махнул кому-то в коридоре:

– Заходите!

В помещение, неловко переступая с ноги на ногу, вошли две девушки – рыжая и блондинка. Одеты прилично, взгляд скромно потупленный, растерянный. Цепким взором я оценила тонкие фигурки каждой, а еще одежду – скромница-стайл. Даже я, с моей тягой быть незаметной, одевалась более броско.

– Знакомьтесь, – представил босс. – Алисия и Джейн, студентки балетного. Сегодня танцуют с вами.

Сбоку очень иронично фыркнула Кэт, сдерживая смех, и я, пожалуй, была с ней полностью солидарна. Обе девчонки выглядели, мягко скажем, чужеродно этому месту. Еще более чужеродно, чем я.

– Их сожрут, – не побоялась констатировать Сандра.

– Не сожрут, охрана в клубе для этого и существует, – босс был неумолим. – Они будут в клетках, так что трогать их разрешается только глазами. А сейчас займитесь ими, оденьте, накрасьте, чтобы не стыдно выпустить было, – сказал Хендриксон и вышел из комнаты.

Томас с тоской оглядел пополнение, черкнул что-то в планшете, пробубнив под нос, что лучше две балетницы, чем вообще ничего, и ушел следом за замдиром, прикрывая за собой дверь.

– Ну, и каким ветром вас сюда занесло? – первой нарушила неловкое молчание Кэтрин.

Девчонки переглянулись, не спеша отвечать, а я вдруг вспомнила себя на их месте. Когда меня точно так же привели в гримерную, поставили перед остальными, словно на растерзание, и бросили, оставив без поддержки. Было хреново, вот и балетницам сейчас не лучше.

– Кэт, выключи мегеру, – тихо произнесла я. – Давай лучше действительно им поможем. Сегодня все равно в одной связке работать.

Меня на удивление поддержала Сандра, чего я от нее совершенно не ожидала. Ее мотивы я поняла минут через пятнадцать, когда, закончив красить Джейн, она тихонько шепнула Кэтрин:

– Эти точно не конкурентки. Классическая школа, будут как деревянные.

Вот вам и крепкий и дружный женский коллектив во всей красе.

Как выяснилось из разговора, что Алисии, что Джейн срочно понадобились деньги (ну, а кому оно не надо?), вот и решили подзаработать. Но если, не дай бог, о подобном узнают в балетной школе, им точно несдобровать. Отчислят тут же.

По моим меркам, у студенточек гулял ветер в голове. Ведь будь я на их месте и имей до сих пор возможность быть в спорте, никогда бы не пошла танцевать в ночной клуб ради быстрых кредитов. Хуже только проституция. Но не мне их судить.

Уже через час я вышла на сцену, и думать о двух балетницах, крутящихся сейчас в импровизированных клетках, мне было некогда. Сегодня Томас сразу сказал, что никакой классической музыки мне в аккомпанемент не включают, танцевать буду под то, что обычно звучало у остальных.

Увы, я не профессионал, чтобы показывать класс под любую музыку, но сегодня действительно постаралась отключить мозг и чувство стыда, чтобы раствориться в мелодии и не чувствовать на себе десятки липких мужских взглядов.

Где-то за гранью остался страх того, что в клуб может нагрянуть инкуб и начать трепать нервы еще и здесь, но, бросая изредка взгляд на людей в зале, я не находила знакомых лиц и успокаивалась.

Я продолжала танцевать, тело покрывалось потом, и уже сейчас понимала, что завтра у меня будет болеть все от перенапряжения. И наверное, если бы не мое износостойкое сердце, давно бы распласталась по сцене задыхающейся амебой. Хотя дыхание все равно сбивалось, просто происходило это не так сильно. Пару раз за вечер меня ненадолго сменяли Кэтрин и Сандра, этих передышек хватало, чтобы быстро обтереть себя влажным полотенцем, сменить белье на другое и снова идти на сцену.

Зато когда к пяти утра все закончилось, и я тупо сидела в гримерке напротив зеркала, отрешенно разглядывая свое отражение, Кэтрин по-матерински похлопала меня по плечу и похвалила:

– Ну ты монстр! Мало бы кто выдержал подобный марафон.

У меня не было сил даже поднять на нее взгляд, я вяло мотнула головой, кое-как встала и поплелась в душ. Между ног все саднило от пилона, пальцы дрожали от усталости, и казалось, что теперь я даже ключи в руках удержать не смогу. Похоже, я умудрилась выжать из себя все силы без остатка.

Под водой стояла непозволительно долго, душ меня успокаивал и заставлял хоть немного прийти в себя. Хотелось задержаться под теплыми струями еще чуть-чуть, но слипающиеся глаза явственно давали понять, что еще немного, и я окончательно разомлею и усну прямо здесь, свернувшись на резиновом коврике. Когда вернулась в гримерку, там никого не было. Кэт оставила записку на столике, что ждать меня смерти подобно, и она ушла одна, рядом же лежала приятной толщины пачка кредитов уже от Томаса. Все, как он и обещал, в тройном размере.

Переодевшись в городское, я вышла из раздевалки и двинулась к выходу из клуба через основной зал. Сейчас тут оставался только бармен, протирающий стаканы, да уборщица, моющая полы. Бросив им на прощание несколько слов, я вышла на улицу и тут же зажмурилась от непривычно яркого солнца, которое уже давно взошло и теперь светило прямо в глаза.

Закрывшись от света рукой, я невольно подумала, как же удивительно, что в этот час здесь так немногочленно – несколько припаркованных каров, одинокие прохожие. Я даже позабывала основной массе людей, которые сейчас наверняка спали в свой выходной день, а я вот была вынуждена плестись на монорельс, даже не поднимая голову, потому что сил не осталось. Уж лучше смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Завернув за первый же угол, я нырнула в переулок, через который всегда сокращала путь, прошла несколько метров и вляпалась во что-то липкое.

Чертыхнувшись, я приподняла ногу в кроссовке, по подошве которой растеклось что-то противно-бордовое и густое. Инстинктивно принявшись обтирать ногу об одиноко растущий клоч травы, я ругала себя за непредусмотрительность и то, что в рюкзаке не было даже влажных салфеток.

– Поразвивают красок, – бурчала я, остервенело пытаюсь очиститься, и наконец вскинула голову вверх, а в следующий миг из моих легких вырывался крик, который я не сумела бы сдержать, даже если захотела.

Меня сковал ледяной ужас.

В паре метров от меня огромными строительными скобами была прибита за руки рыжая девочка-балетница. Она неподвижно висела на стене, как тряпичная кукла, и волосы испачканной паклей колыхались под легкими дуновениями ветерка. Под разодранным свитером виднелась обнаженная грудь, брюк и вовсе не было, а истерзанное тело испачкано кровью из перерезанного горла...

Я бы никогда не подумала, что в человеке столько крови, если бы не видела сейчас ту лужу, что натекла под Алисией на асфальт, и в которую наступила я.

Этой же кровью убийца вывел на стене единственное слово «грешница».

Мой крик превратился в хрип, потому что от ужаса свело горло, и, кажется, я умудрилась сорвать связки. Кто-то примчался на мой вопль, и я слышала их шаги, но была не в силах отвести взгляда от зверски растерзанной девчонки.

Чьи-то руки силком заставили меня отвернуть голову, они же оттащили меня прочь на несколько метров.

– Нужно вызвать полицию, – говорил кто-то за кадром моего сознания, пока вокруг развивалась настоящая суeta, а меня трясло и колотило. – Кто обнаружил убитую первым? Девушка, это были вы?

Меня тронули за плечо, явно пытаюсь обратить на себя внимание, но я лишь больше вжалась в того, кто все это время удерживал меня и не давал смотреть на труп дальше.

– Отойдите от нее, – раздался сверху голос, от которого сковавший тело ужас треснул, будто вековой лед, и превратился в миллионы осколков с острой кромкой. – Она не будет ни с кем разговаривать!

Наверное, ничто не могло бы отрезвить меня в этот момент больше, чем ЕГО голос. Я уперлась руками в мужскую грудь, отстранилась и уставилась в лицо проклятого инкуба. Абсолютно равнодушное ко всему происходящему, словно маска робота. Хотя не ко всему, меня он изучал внимательно, скользя цепким взглядом.

Герберт Сакс смотрел придиричиво, чуть сощурившись, и продолжал отгонять от меня каких-то людей.

Вот только что он тут делал? Совершенно случайно проходил мимо?

С еще большим визгом я вырвалась из его объятий и отскочила в сторону, готовясь бежать как можно дальше.

Он зыркнул на полного мужчину, который продолжал стоять над душой, и одним взглядом заставил его убраться подальше, а после произнес:

– Напомню, что я все еще могу читать твои мысли, Виола. И нет, я не убивал эту девчонку, не нужно вешать на меня все ужасы этого мира. Я ждал, когда ты выйдешь из клуба, чтобы поговорить.

Остатки здравого смысла, перечеркнутые паникой, все же воспряли и подсказали, что Герберт вряд ли мне врет. Не станет инкуб убивать с подобной жестокостью, он слишком безэмоционален, чтобы терзать жертву вот так... Как бы сказала моя мать, подобный психотип скорее изящно свернет шею, лишь бы рук не марать.

– Нам не о чем говорить, – сильным голосом произнесла я, когда где-то позади раздался звук сирены и подъехала полиция.

– А я считаю, что есть. – Он скрестил руки на груди. – Мое предложение слишком важно, чтобы ты могла так просто от него отказаться.

Если бы мое душевное состояние сейчас было иным, я бы, наверное, закатила глаза к небу, но сейчас могла только поразиться бездушности этого существа. Даже человеком язык не поворачивался назвать.

– Вы что, не понимаете? – Я попыталась обернуться в сторону, где все еще находилась Алисия, но Герберт в два шага миновал расстояние между нами и удержал за руку, пока я договаривала: – Там же мертвая девушка! Как можно быть таким черствым?

– Предпочитаю формулировку – деловым. – Он даже глазом не моргнул.

Ко мне тем временем спешили полицейские, и я начинала смотреть на них, как на спасителей. Сейчас меня наверняка уведут давать показания, впрочем, как и Герберта. Ведь сидя у клуба, он мог что-нибудь видеть и помочь следствию.

Но едва рядом возник офицер, инкуб посмотрел на него так хмуро, что я даже не удивилась, когда почувствовала волну внушения, исходящую от него:

– Ни я, ни девушка ничем не можем вам помочь, – твердо произнес полицейскому. – Я ничего не видел, а она ничего не знает.

Человек в форме глупо кивнул, как деревянный солдатик, развернулся на месте и ушел в сторону своих коллег.

– Вы что, с ума сошли? – Я, конечно, подозревала, что у Герберта комплекс бога и он может с ноги пинать все законы и правила общественности, но чтобы так. – Мы ведь могли помочь!

Я была искренне возмущена. И пусть Алисию я знала всего несколько часов, но ведь... При мысли, что я могла вполне оказаться на ее месте, к горлу подкатывал липкий комоч страха и тошноты.

– Именно это мы сейчас и делаем – помогаем. Если офицеры не станут тратить время на наш бесполезный допрос, займутся чем-нибудь более нужным. – Герберт говорил сухо и уже тянул меня за руку в сторону центральной улицы, я упиралась, но как-то вяло. Все же мне очень хотелось убраться отсюда поскорее. Он же продолжал:

– Напомню, что я читаю мысли, и могу утверждать, что ты ничего не знаешь, а мне у клуба было видно почти всех уходящих посетителей. Если бы кто-то из них задумал убийство, я бы не продолжал сидеть в каре дальше. Из этого я делаю вывод, что убийцы в клубе либо не было, либо он поджидал жертву в подворотне. Следовательно, пусть расследованием занимается полиция, потому что мы им помочь ничем не можем.

Вот так, все просто и по полочкам. Герберт решил все и за всех.

– И вы ничего не слышали? – не поверила я. – Она ведь наверняка кричала.

– Слышал, но не крики, а адажио из первого скрипичного концерта Брамса.

Мы добрались до черного кара с полностью тонированными стеклами. А ведь я видела эту машину, когда выходила с работы, но даже внимания не обратила.

Герберт распахнул передо мной заднюю дверцу и вполне услужливо указал садиться.

– Нет, – замотала я головой.

– Да, – отрезал он. – Я не собираюсь продолжать разговор на улице.

– Мне еще раз повторить, что нам не о чем разговаривать?

– А как насчет твоей сестры? О ней и ее коме.

Я нахмурилась, вспоминая слова Ричарда не соглашаться на предложения его брата, что бы тот ни обещал.

– Насколько помню, эта тема закрыта. Мне звонили из больницы, счета оплачены, и я ничего вам не должна.

– Ничего, – согласился мужчина. – Но что, если я скажу, что твоя сестра не в коме, и никаких повреждений мозга у нее нет? Ты передумаешь?

Звучало бредом. Полнейшим, вот только это моя болевая точка, после которой я, как кошка, которую подвело любопытство, сую свой нос куда не следует.

– Вы знаете другой диагноз?

– Для того чтобы ответить на твой вопрос, нам нужно поехать в одно место.

Я приготовилась отступить еще на шаг, потому что с этим типом в одной машине никуда не собиралась, но он закончил фразу:

– В музей Аластара Фокса. Там хранится одна вещь, которая может пролить свет на произошедшее с твоей сестрой в аварии.

Мне вспомнилось здание недалеко от центральной больницы, вот только ума не приложу, что могло найтись среди пыльных экспонатов такого, что решило бы проблемы Тиффани.

– Ты, конечно, можешь отправиться своим ходом и дойти до монорельса, но хочу напомнить, что по пути тебе придется преодолеть оцепление полиции, так что на моем каре будет быстрее.

Он продолжал сыпать аргументами, а я вдруг поразились собственной трусости. Боюсь, как маленькая девочка, словно мне пять лет, а я потерялась одна в большом городе. Инкуб ведь мне ничего не может сделать, разве что мысли прочесть.

Герберт устало потер переносицу, пробормотав себе под нос:

– Как же с тобой сложно. Было бы проще, будь ты как все.

– Хорошо, что я не как все, – буркнула я и все же села в салон.

Кожаная обивка, мягкая подсветка, люксовая комплектация и шторка, отделяющая задние сидения от водителя. Герберт захлопнул дверь с моей стороны, обошел кар и сел рядом. Тут же опустил шторку, назвав андроиду-шоферу адрес, и задернул ее обратно, можно подумать, тот мог подслушать.

– Вы сказали, что у моей сестры не кома, тогда что?

– Есть догадки, но они требуют подтверждения. Потому что я слышал ее мысли, когда был в клинике, и нечто подобное уже было описано...

– Стоп! – перебила его я, в одно мгновение осознавая перспективы его дара. – Вы слышали ее мысли?!

– Да! Очень тихие отрывочные слова, не связанные между собой фразы, а потом я попытался вмешаться в них, и твоей сестре, похоже, это не понравилось. Так что поломку приборов в этот раз, скорее всего, спровоцировал я. Произошел очередной скачок ее мозговой активности, и все оборудование в палате мгновенно вышло из строя.

Меня затрясло. Со стороны звучало так, будто он ставил эксперимент над Тиффани, и какое счастье, что она после этого выжила.

– Вы в своем уме? – прошипела я. – Хоть немного отдаете себе отчет, что могли натворить? Она ведь могла погибнуть, если бы приборы не запустили заново. Это ведь требует времени...

Я мысленно поблагодарила докторов центральной клиники за быструю реакцию. Ведь если учесть, сколько приборов было подключено для поддержания жизни сестры, каждая секунда была на счету.

– Времени, и немало. – Его голос даже не дрогнул, ни капли раскаяния в поступке. – Десять минут сорок четыре секунды, я засек. И твоя сестра по-прежнему жива, что уже удивительно, если она не аквалангистка-ныряльщица, умеющая задерживать дыхание.

– Я вас убью...

– Это вряд ли, потому что, скорее всего, только я догадываюсь, что с твоей сестрой, и даже если от нее отключить все эти электронные побрякушки, она вполне сможет протянуть без них пару месяцев.

После этой фразы я поняла одну очень важную вещь. Герберт Сакс – псих! Самый натуральный!

– И чтобы подтвердить мою догадку, мы едем в музей, – закончил этот ненормальный.

* * *

– Хорошо, в музей так в музей, – сказала, понимая, что спорить бесполезно, да и в машину я уже села, поэтому, отвернувшись к окну, уставилась на городские улицы.

Мы ехали по Фелс-сити, по городу, названному в честь изобретательницы самолета, в музей имени ее мужа, а по совместительству еще и какого-то там пра-пра-прадеда всех инкубов.

Я никогда особо не задумывалась, кому подчинена вся жизнь вокруг. По умолчанию весь уклад воспринимался чем-то самым собой разумеющимся, теперь же, когда нервы были натянуты до предела, а рядом сидел Герберт Сакс, я невольно начала подмечать ранее незаметные детали. Сквозь все вокруг, через предметы и названия проступал силуэт семьи Сакс. Ничего, в принципе, удивительного. По сути, это их мир, который они сами выстраивали поколение за поколением. Наверное, даже неплохой, но уж точно не идеальный.

– У тебя занятые мысли, – нарушил молчание Герберт. – Считаешь нас теневыми владельцами планеты?

– А разве это не так? Хотя вам уже и планеты мало. – Я неопределенно махнула рукой в сторону космодрома в сотне миль отсюда.

– Кому нам? Инкубам? – мужчина зачем-то переспросил, хотя и так прекрасно знал ответ. Я смерила его тяжелым взглядом. Конечно же им.

В день в небо взлетали десятки шаттлов, засоряя выбросами воздух, зато принося владельцам космической программы миллиарды кредитов.

– Какие же вы иногда, люди, глупые. – Если бы Герберт умел оскорбляться, наверное, сейчас именно это чувство было бы самым близким к его состоянию. – Не видите дальше собственного носа. Инкубам не нужны деньги, нам вообще в этом мире мало что нужно. Большинство из того, что мы делаем, делается ради вас. Обычных людей.

Из моей груди вырвался ироничный смешок.

– И какая же выгода обычным людям от того, что натуральное молоко практически невозможно купить, а воздух с каждым годом все гаже?

– А какая выгода обычным людям, когда из-за перенаселения планеты начнется голод и вспыхнут новые войны? – ответил вопросом Сакс. – Ты винишь инкубов, мы же слишком хорошо помним свою историю, чтобы не допустить ее повторение. Мир уже знал две войны из-за ресурсов, наша задача не допустить третьей.

– Звучит очень благородно, что неправдоподобно! – Верить этому типу было бы крайне глупо. Возможно, он просто старался казаться мне лучше, чем есть на самом деле.

– Мне нет смысла тебя в чем-то убеждать или разубеждать, но ты казалась мне неглупой девушкой, чтобы понять: через пару десятков лет человечество выйдет в космос окончательно, освоит Марсус, полетит к новым звездным системам. А воздух очистят специальные станции. Уже существуют разработки...

Это он меня сейчас душой так назвал? Да?

– Очень рада, что вы усомнились в моих умственных способностях, – не удержалась я, напрочь игнорируя сказки про великий космос. – Надеюсь, это поможет вам передумать заводить от меня глупых детей...

Но, судя по его лицу, нет. Не передумает.

Глава 6

Машина остановилась у музея, водительская шторка опустилась, и механический голос шофера сообщил:

– Пункт назначения – музей Аластара Фокса. Приятной экскурсии, мистер Сакс.

Моего имени робот не знал, поэтому я обошлась без вежливых пожеланий.

– Здесь хранится история моей семьи, – зачем-то сообщил Герберт, и в его голосе впервые послышалось нечто, похожее на гордость.

– Могли бы хранить в личной кладовке.

– Это было бы неправильным. Те люди многое пережили, и нынешнее поколение обязано знать о них, чтобы не совершать ошибки сегодня.

Примерно те же слова говорила нам учительница еще в школе, когда приводила сюда на экскурсии. С этим было сложно не согласиться. Все же история знавала ужасные вещи. И гонения суккубов, до которых сейчас никому даже дела нет, только у меня в классе учились две иллюзорницы. И мирные изобретения, использованные в качестве оружия, и кровопролитные войны, государственные перевороты.

Герберт решительно направился вперед, а я осталась рассеянно стоять и смотреть ему вслед. Пришлось даже догонять. Из-за этого я почувствовала себя неправильно и глупо, это он меня сюда привез, а не я его.

– Так зачем мы сюда приехали? – произнесла ему в спину, когда наконец оказалась на площадке перед большими двустворчатыми дверями под старину.

Герберт потянул одну из тяжелых створок, пропуская внутрь, в большой холл, где каждый шаг отдавался эхом.

– Для начала за дневниками Лорейн Сакс, и, если я прав, то и еще за одной вещью.

– Она вела дневники? – удивилась я, потому что впервые слышала.

– В горах, где они скрывались после побега из Панема, было весьма скучно, – поведал инкуб. – Чем еще ей было заняться длинными вечерами?

Он уверенно двигался куда-то вперед, делая один большой шаг там, где я едва успевала сделать два. Сейчас в музее было еще слишком рано для экскурсий, и мне казалось – я иду по пустынному кладбищу, только вместо надгробий витрины с экспонатами и портреты давно умерших людей.

Женщины в основном блондинки: Торани Фокс, ее родная дочь Лизабет и приемная Лорейн, а вот мужчины разные. Аластар Фокс – темноволосый брюнет, Деймон Сакс – шатен в очках и с тростью в руках. Предметы, кстати, лежали тут же, под стеклом. Блестели стеклышками и сверкали серебром набалдашника, и, кажется, время совершенно не трогало их.

После шла целая плеяда портретов, а затем и снимков детей и внуков этих людей. Я видела их десятки раз в учебниках, потому взгляд скользил мимоletно, нигде не задерживаясь.

Герберт дошел до дверей с кодовым замком в конце залы. Набрал какую-то комбинацию, дождался одобрителного писка и потянул за ручку.

– У вас в любое помещение страны такой беспрепятственный доступ? – все же не сдержала удивления я.

– Нет. Но конкретно в музей я запросил допуск сразу после посещения твоей сестры. И мне его оперативно предоставили.

Действительно, о чем я спрашиваю. Кто же ему откажет? Даже охрана сгинула в неизвестности.

Мы оказались в коридоре, длинном и пустынном, и я уже вновь приготовилась бежать за спешащим вперед инкубом, но он открыл ближайшую к нам дверь и поманил внутрь.

Здесь было заметно холоднее, чем в основных помещениях, и я зябко поежилась в своей кофточке, которая вдруг оказалась не по температуре легкой.

– Тут специально поддерживают особую температуру и влажность, чтобы экспонаты чувствовали себя хорошо. – В голосе Герберта послышались отголоски эмоции. С непривычки я даже удивилась этому, ведь он говорил о неживых вещах так, словно те умели чувствовать.

Одна за другой в помещении загорались лампы, подсвечивая предметы в витринах. С удивлением я уставилась на ближайшую ко мне коробочку-артефакт, создавшую защитную завесу вокруг объектов, чтобы посторонние не могли проникнуть за периметр.

– Но ведь она же там, – я указала себе за спину. – В основном зале.

– Там подделки. Все настоящие хранятся здесь. Стареют, доживают свой век.

Герберт двинулся вперед, но теперь я за ним не спешила. Наоборот, шла медленно, разглядывая каждую диковинку под стеклом. Обветшалые книги, поцарапанный мундштук, какие-то кольца, а вот и очки Сакса. И выглядели они намного более плачевно, чем те, в основной экспозиции.

До Герберта я добралась спустя пару минут, он уже расположился за большим столом и теперь очень осторожно тонким пинцетом и руками в перчатках перелистывал листы тетради.

– Вот, – наконец произнес он, останавливаясь на одной из страниц. – Лорейн описывает, как ее муж выжил при покушении во время переворота. *«...Стазис – странное состояние, при котором человек не дышит, а его сердце не бьется, но при этом он продолжает жить. Демону очень повезло с дворецким, который не просто сумел выкрасть его тело из морга, но и привести в действие медицинский артефакт.*

И как же теперь жаль, что следы Ричарда потерялись где-то в Панеме. Нам с Деем очень бы хотелось знать, что со стариком все в порядке, и он выжил».

– О каком артефакте речь? – спросила я, когда Герберт закончил чтение.

– Трость с серебристым набалдашником. – Инкуб встал из-за стола и подошел к одной из витрин, там на специальных подставках действительно лежала трость, вот только набалдашник почернел от времени. – Я читал дневники Лорейн еще в детстве. Через несколько страниц она расскажет, что металл потускнел после активации стазиса. Вещица была полезной, но одноразовой.

– И к чему вы это ведете? – склонившись над витриной и разглядывая артефакт так близко, что по стеклу расплывался туман от моего дыхания, спросила я.

– Состояние Тиффани похоже на этот самый стазис. И если она артефактор, а все говорит именно об этом, то в момент аварии какая-то вещь рядом с ней стала аналогом этой трости. Таким же активатором. Вопрос только, какая именно? И как ее теперь найти, чтобы этот самый стазис снять.

Я резко выпрямилась и посмотрела в глаза Герберту. Мне постоянно казалось, что он надо мной шутит и издевается, вот только лицо абсолютно серьезное. Он не просто верил в то, что говорил, – он утверждал.

– Допустим! Но это может быть ЧТО угодно, хоть обломок кара, который давно сгнил в утиле. Что в таком случае?!

– И здесь мы возвращаемся к моему предложению, где ты помогаешь мне, а я помогаю тебе.

Кажется, скрип моих зубов раздался эхом по всему помещению.

– Даже боюсь предположить, чем вы можете помочь? Вызвать шаманов и станцевать с бубном вокруг моей сестры?

– О нет, глупая девочка. Я могу достать книги по артефактологии. Те самые, с помощью которых артефакторы учились создавать настоящие чудеса, и ты сотворишь такое же чудо для своей сестры. Спасешь ее своими руками. А взамен сделаешь то, о чем я тебя просил.

– Вы точно ненормальный, если решили, что я – артефактор и сумею сделать что-то подобное.

Герберт неожиданно сделал шаг ко мне, и я тут же отошла подальше, но он без зазрения совести загнал меня в ловушку между собой и ближайшей стеной.

– Ты уже это сделала, только не поняла как. – Он коснулся рукой пространства под моей грудью, там, где под кофтой прятался шрам и билось искусственное сердце. – Вначале я решил, что артефактом стала одежда или украшение, но сегодня на тебе нет ничего из того, что было вчера. Зато есть сердце, которое я не сумею вынуть из тебя при всем желании заставить тебя подчиняться...

Внутри меня все похолодело... то бишь он рассматривал подобные варианты. Язык онемел, и я даже не могла пискнуть, пока Герберт продолжал: – Пойми же ты, я не злодей, не чудовище, я – инкуб, которому нужен наследник. Мне чуждо многое из того, что ты называешь человеческим, но так же, как и ты, я цепляюсь за любые возможности. У тебя цель – спасти сестру, у меня – получить сына. Я дам тебе все! Положение в обществе, деньги, слуг. Если надо, женюсь на тебе, куплю машину, дом, привезу кусок настоящей Луны...

Что-то щелкнуло в сознании от последних слов, и я отмерла:

– Купите себе душу, – процедила я и, упершись руками ему в грудь, оттолкнула, просто чтобы высвободиться.

Сакс отступил на шаг и произнес:

– Она не продается.

Глава 7

И все же я сбежала. Или стратегически отступила, потому что думать о себе как о стратеге было приятнее, чем как о трусихе.

Герберт слишком ошарашивал меня, чтобы я успевала здраво и рационально реагировать на все, что он делал или говорил. В душе поселился страх наломать дров, а еще я почувствовала внезапную потребность в совете более знающего и опытного человека.

К чести инкуба, догонять он меня не стал, иначе я бы точно восприняла это как прямую угрозу.

Уже через час, сидя в сквере, я пила купленный в ближайшей забегаловке тройной кофе и медитировала на экран визофона.

Номер Ричарда светился пятнадцатью цифрами, а я стояла перед главным вопросом сегодняшнего дня: набирать или не набирать.

В итоге, допив последний глоток панемиано² с молоком, нажала на кнопку вызова и вслушалась в длинные гудки.

Стоун не поднимал долго, спал, наверное. Я даже ему позавидовала, он, в отличие от меня, по ночам не работал, убитых девушек в подворотне не находил и по музеям с сумасшедшим инкубом не гулял... Мне же можно было зубочистки в глаза вставлять, и, если бы не общая нервозность ситуации, я бы постаралась отрешиться от всего и поехать домой спать, вот только не выходило. Все происходящее меня слишком беспокоило, чтобы спустить на тормозах.

– Слушаю, – наконец подняли трубку с той стороны.

Как и предсказывалось, голос был сонным.

– Доброго утра, мистер Стоун, извините за беспокойство, – залепетала я. – Но тут кое-что произошло...

– Опять мой брат? – догадались с той стороны.

– Да, и кое-что еще... Он по-прежнему настаивает, что я артефактор и...

– Расскажешь при встрече, – с каким-то особым пониманием ответил он. – Через час в моей лаборатории. Ты же помнишь, откуда сбежала в прошлый раз?

– Угу.

– Вот и славно. Жду тебя там. Позвонишь, как будешь на месте, я спущусь.

Из центрального парка до лаборатории Стоуна ехать пришлось минут сорок, а потом еще и плестись пешком до здания, на котором светилась эмблема «Сакс-технолджис». В отличие от их центрального офиса, небоскреба, которой был виден из многих точек города, это строение имело всего этажей тридцать. Оказавшись в просторном холле, я села на диванчик для посетителей и набрала номер Ричарда повторно. Речи о том, чтобы подняться к нему самой, даже не было. Здесь стояли пропускные рамки для работников, к которым я не относилась.

Звонок Стоун сбросил. Решив, что я не вовремя, стала просто ждать, и спустя минут десять он вышел из лифта. Его я заприметила сразу.

Все же в отличие от своего инкубского брата Ричард взгляд притягивал своей положительной аурой. Не знаю, почему так, но верилось ему гораздо лучше, чем Герберту, у которого непонятно что на уме.

– Выглядишь отвратительно, – вместо приветствия произнес он, будто мы давние друзья. – Дай угадаю, ты сегодня не спала? Опять всю ночь танцевала?

Я кивнула.

² Американо.

– А почему? – удивился он. – Я же оплатил лечение твоей сестре, какой смысл теперь работать в стрип-клубе?

Прикусила язык, потому что, если бы ответила правду, вышло, что противоречу сама себе. Ведь кто знает, как обернутся обстоятельства завтра? Сегодня он мне помогает с сестрой, а завтра передумает. Сильным мира сего слишком просто получать желаемое, если они хотят осложнить кому-то жизнь, поэтому потерять работу, пусть даже такую отвратительную, мне не улыбалось. Я должна была иметь свои тылы и пути отступления.

Что, впрочем, не мешало мне сейчас прибежать за помощью именно к Ричарду.

– Где-то же мне нужно работать, пока не найду что-нибудь стоящее, – ушла от честного ответа. – Я пришла поговорить о вашем брате, он сегодня приезжал и опять уговаривал...

Мужчина остановил меня жестом, после потер виски, немного поморщившись, словно от боли, и, посмотрев еще раз на меня в упор, произнес:

– Давай за завтраком. С утра ничего не ел, и что-то подсказывает мне, ты тоже. Здесь есть столовая для работников.

Отказываться не стала, тем более что желудок действительно сводило от голода, а от выпитого ранее кофе становилось только хуже.

Столовая *оказалась* довольно простой, хотя мне казалось, что даже такое место в пафосной фирме столь высокого уровня должно блистать космическими технологиями, но все выглядело весьма скромно.

Раздача, похожая на те, что бывают в школьных столовых. Подносы и приборы в начале длинного пути, а после десятки блюд на выбор. Пожалуй, единственное отличие от школы, так это разнообразие, особенно десертов в самом конце.

– Питание работникам оплачивает фирма, так что бери все, что захочешь, – подбодрил меня Ричард, когда я немного растерялась.

Взяв обычный салат и яичницу с беконом, я шла следом за мужчиной и поражалась тому набору блюд, который он ставил на свой поднос. Все сладкое. Все очень-очень сладкое. Он миновал салаты, горячее, зато завис на всевозможных десертах.

Уже на выходе его догнала одна из работниц с бейджем фирмы и передала пакетик с чем-то шуршащим внутри.

– Как всегда, – улыбнулась она, Ричард тоже расплылся в самой очаровательной из улыбок.

– Это Магда, – пояснил мне он, стоило нам отойти к дальнему уединенному столику. – Она печет потрясающие пончики.

Я же была в полной растерянности, оглядывая его поднос. Нет, мужчины-сладкоежки – это случается, но в таком варианте, пожалуй, я видела впервые.

– Гипогликемия, – поймав мой взгляд, пояснил Ричард. – Даже не нужно быть инкубом, чтобы прочесть, о чем ты думаешь, по твоему озадаченному лицу. Если я не буду есть много углеводов и сладкого, то ничем хорошим для меня это не закончится. Особенно это касается завтрака, когда после сна уровень сахара в крови сильно падает.

Где-то когда-то я слышала про эту болезнь, кажется, она очень часто наследственная, хотела похвастаться знаниями, но вовремя прикусила язык, вспомнив, что Роберт приемный. И тема для него наверняка неприятна.

– Ты хотела поговорить о моем брате, – напомнил Стоун. – Можешь начинать.

Я уже открыла рот, чтобы выложить все о последних четырех часах моей жизни, но тут же решила повременить, задав вначале другой интересующий вопрос.

– Почему, в отличие от остальных инкубов, никто не знает Герберта в лицо и его фотографий нет в газетах и новостях?

Мужчина вскинул на меня взгляд, неторопливо отпилил вилкой кусочек от вишневого пирога, положил в рот, медленно прожевал и только потом ответил. Все в той же манере, что и брат – вопросом на вопрос.

– А с чего ты взяла, что знаешь в лицо остальных инкубов?

– Ну как же? По визору показывают.

– Там показывают достаточно ерунды, чтобы перестать верить визору. Все, кого ты знаешь как инкубов, не более чем подстава.

– Но ведь...

– Как бы ни странно мне это говорить, – Ричард прожевал очередной кусок пирога, запивая водой, в котором болтались не растворившиеся сахаринки, – но дар инкубов – их же проклятье. Настоящие предпочитают уединенный образ жизни, им довольно некомфортно на людях, особенно если этих людей вокруг много. Самый доступный пример для понимания: если обычного человека поставить в камеру, заполненную миллионом динамиков, каждый из которых звучит по-разному. Где-то музыка, где-то крик, где-то лязг металла. Поэтому для связи с общественностью такие, как Герберт, предпочитают иметь специальных людей. Обычно это человеческие мальчишки, выросшие с ними же и специально обученные играть роль инкуба. Так себе работа, я тебе скажу.

– А вам-то откуда знать, какая это работа?

– А как ты думаешь, кого готовили на место Герберта? – Ричард как-то особенно жестко усмехнулся. – Собственно, именно поэтому его официально как бы не существует. В отличие от других человеческих мальчишек я умею говорить инкубам «нет».

– А найти кого-то другого не сумели?

– Даже для «кого-то другого» нужна подготовка. Научиться вести себя как инкуб, говорить как они, разучиться проявлять эмоции на публике. Это занимает не один год, ведь даже мимолетная улыбка выдаст правду. Так что можно сказать, я подставил своего братишку, отказавшись быть его ширмой.

Я смерила Ричарда долгим взглядом. Все же он не белый и пушистый, каким бы безобидным не казался. Вроде бы улыбается, очень умилительно кушает сливочный торт и, кажется, не представляет угрозы. Вот только чувствуется в нем титановый стержень, о который обламывают зубы даже подобные Саксу.

– Значит, Роберт Сакс усыновил вас специально, чтобы вы играли Герберта?

– Усыновил? Оставь эту сказочку для интервьюи³. Мы с ним единоутробные близнецы, зачатые в пробирке путем подбора материалов с Y-хромосомой. Просто один родился со способностями, а второй, как выразился отец, – всего лишь человек. Он меня слишком стыдился, чтобы признать полноценным сыном.

Ричард придвинул к себе тарелку со штурделем и с особым гневом вонзил в него нож. В отличие от брата, своих эмоций он не стеснялся. Зато для меня его мотивы стали более понятны – поступками Ричарда руководило не столько желание насолить Герберту, сколько обида на давно умершего отца.

– А мать? – Вопрос вырвался у меня сам.

– А что мать? – переспросил Ричард и тут же ответил: – У нас с Гербертом хорошая мать.

Последняя фраза прозвучала как жирная точка в теме. Я дожевала салат, Ричард доел свое сладкое, а после, отправив тарелки на столик для отходов, произнес:

– Поднимемся наверх, там и расскажешь, зачем пришла.

На этот раз лаборатория располагалась в другом кабинете. Если прошлая была схожа с медицинской палатой, то эта с декорацией из фантастического фильма, потому что вся сплошь

³ Аналог Википедии.

установлена жужжащими приборами, названий которым я не знала, везде бесконечные трубки, лазеры и всюду знаки радиационной опасности.

Интересно и притягательно до жути.

– Ничего здесь не трогай, – попросил Ричард, указывая на свободный стул. – Если бы не эксперимент, над которым я сейчас работаю, сюда бы ты вряд ли попала.

– Что за эксперимент? – не сдержалась я. Все же пусть и невольно, но я вертела головой по сторонам. Было ощущение, что попала в святая святых на великое таинство.

– Если у тебя нет докторской степени по квантовой физике, вряд ли ты поймешь хоть слово. Итак, я слушаю. Зачем приезжал Герберт?

Максимально четко, стараясь не упускать деталей, я рассказала Ричарду все от убийства у стен клуба, которое он, впрочем, проигнорировал, до похода в музей и про якобы мое сердце-артефакт.

– Занятно. – Он провел пальцами по своему гладко выбритому подбородку, задумчиво глядя в область моей груди. – Вытащить его ты, разумеется, не позволишь...

– С ума сошли?

– Нет, но вполне мог бы купить тебе новый имплант взамен на исследование этого, – все так же задумчиво произнес он.

– Вы даже не представляете, насколько сильно похожи сейчас на брата, – не удержалась я. – У того тоже появлялись мысли меня препарировать.

Мои слова заставили Ричарда напрячься, сравнение ему явно не понравилось. Осанка стала прямее, а голос тверже:

– Тогда тебя еще больше расстроит, что я согласен с Гербертом и действительно думаю, что ты и твоя сестра – артефакторы. Ваши анализы сходны с результатами исследований тканей, что удалось получить из останков умерших двести лет назад артефакторов.

И этот туда же. Впрочем...

– Докажите! – с вызовом произнесла я. – Вы же ученый, докажите, что правы.

– Не вижу смысла. – Ричард довольно равнодушно пожал плечами. – Но на твоём месте я бы все же допустил возможность того, что мы правы. И если так, ты бы действительно могла попробовать создать нечто подобное той трости из музея.

Мои пальцы сжались. Наверное, вся проблема была в том, что после смерти родителей в чудеса я не верила и стала суровым прагматиком.

Можно назвать меня упрямой ослицей, но я ума не приложу, с чего вдруг на меня перестала действовать сила внушения Герберта. Сердце стало артефактом? Смешно же. Особенно если учесть, что даже приборами такое не измерить – не вытаскивая из меня.

И в то же время в голову пришла другая идея:

– Выходит, если я докажу обратное, что никакой я не артефактор, Герберт от меня отстанет?

– Скорее всего. – Ричард пристально оглядел меня с ног до головы. – Ты, конечно, весьма красива, хорошо сложена, но это явно не те признаки, по которым он решил, что ты должна стать матерью его сына.

– Вот и отлично! – Я поднялась со стула. – Тогда теперь уже у меня к нему деловое предложение.

– Решила его переиграть? – На лице Ричарда возникла усмешка. – Весьма самонадеянно.

– Я не собираюсь его переигрывать. Он хочет дать мне книги по артефактологии, прекрасно. Я изучу их от корки до корки и постараюсь сделать все, чтобы помочь сестре. И если у меня ничего не выйдет, то он убедится, что я для него абсолютно бесполезна.

– Ты и сама не заметила, как заглотила брошенный тебе крючок. Уже готова к первой уступке для него.

– Глупости. Плевала я на Герберта, мне нужны книги.

– С тем же успехом их могу достать я и ничего не потребую взамен.

– Наградой вам будет досада брата? – сама догадалась я.

– Какие-никакие, а чувства. И то у меня есть сомнения, что он способен испытывать нечто подобное.

– Зато вы фонтанируете эмоциями! Прямо через край.

– Меня до шести лет учили их скрывать, так что имею право! – Ричард тоже встал со стула, подошел к голографу, активировал экран, несколько минут искал что-то в бесконечных строках, запрашивал какие-то данные. – Я смогу тебе помочь с книгами, но при одном условии.

– Вы же сказали, что не потребуете ничего взамен.

И все же он точно не белый и пушистый. Разве что на первый мимолетный взгляд. Под светлым мехом спрятаны колючки, возможно, даже ядовитые. Впервые я поймала себя на мысли, что не знаю, кто меня пугает больше своей неоднозначностью: Герберт или все же Ричард.

Даже от инкуба можно было знать, что ожидать. Пока все поведение Герберта сводилось к упорному достижению цели, пусть даже напролом. Ричард же, хоть и казался игроком на моей стороне, но я не могла отделаться от мысли, что все его поступки продиктованы желанием насолить брату.

Чисто по-человечески это шло вразрез с моей моралью.

– Выходит, обманул, – отозвался мужчина. – Все же потребую, но моя просьба, скорее, тебе на руку. Всего лишь не связываться с Гербертом, избегать его, если не хочешь в один прекрасный момент оказаться брюхатой либо человеческой девочкой, либо инкубским мальчиком.

Он произнес это настолько ровно, четко, сухо и безэмоционально, что на мгновение его образ полностью слился с образом брата, но уже через секунду лицо Ричарда смягчилось, вновь становясь почти милым.

– Вы так ненавидите собственного брата, – не удержалась и произнесла вслух я. – За что?

Все-таки были еще какие-то причины, кроме обиды на отца. Мне вспомнились слова инкуба, сказанные в музее, и дополнила свой вопрос:

– Он ведь не злодей, не подонок, не убийца. Он просто странный, и цели у него странные. Желание иметь сына не чуждо большинству мужчин, в нем нет ничего плохого, кроме того, что Герберт слишком привык получать желаемое по первому требованию, а я против той роли, в которой он хочет меня видеть. Но вы, Ричард, ненавидите его так, словно желаете стереть с лица земли.

– Не тебе меня судить и не тебе разбираться в моих поступках, Виола! Ты пришла ко мне сюда за помощью, я готов тебе ее предоставить, с условиями, которые тебя саму же устроят. Так зачем ищешь каких-то объяснений? Что тебя не устраивает?

– Ощущение, что меня хотят использовать. Если не он, так вы.

Ричард пожал плечами, отошел от голографа. Спорить с моими выводами он явно не собирался. Выходит, я все же оказалась права.

– Мне кажется, тебе стоит подумать над происходящим, – наконец произнес он. – Все хорошенько взвесить, что тебе нужнее и важнее. Если хочешь что-то кому-то доказывать, спасать сестру, у тебя два выхода: обратиться ко мне или к Герберту. У нас у каждого свои условия, и тебе выбирать, какие устроят тебя больше.

Частично он прав, подумать мне стоило. Вот только уже сейчас я знала, что окончательного решения принять не смогу, не зная всех переменных в этом уравнении.

– Тогда я пойду, – направилась к двери, но, уже взявшись за ручку, была остановлена репликой Ричарда.

– Прежде чем ты уйдешь, я хочу, чтобы ты знала еще одну вещь. Природа всегда стремится уничтожить противоестественные ей вещи, для этого она придумывает разные меха-

низмы. Инкубы чужеродны для нее. Они не вершина эволюции, хотя заставили весь мир считать именно так. Они ее ошибка. Случайность, которая уже пять поколений пытается закрепить свой вид, а он все равно стремится к вымиранию.

– Вы так уверенно говорите об этом, а где доказательства, кроме ваших слов?

– Я этому главное доказательство. Человек, рожденный от инкуба обычной девушкой. Чей брат-близнец получил дар, а я при тех же вводных – полную стерильность. Как человек, я мог бы иметь множество сыновей, кто знает, возможно, даже инкубов, ведь генетически во мне это заложено. Но природа не хочет размножения нам подобных, всяческим способом заводя в тупик любые попытки ее обмануть. На любое действие она находит противодействие, будь то укороченная жизнь или неспособность ощущать эмоции. Герберт может стремиться обмануть ее сколько угодно, но она все равно умнее.

– На что вы намекаете? – Я все же попыталась постичь эту смутную логику, ухватить ее за хвост и осознать.

– Если даже допустить вероятность того, что ты согласишься выносить Герберту ребенка, родишь сына, и он проживет гораздо больше тридцати пяти лет, никто не гарантирует, что природа не оплатит ему за долголетие какой-нибудь другой каверзой. Врожденной инвалидностью, слабоумием, слепотой... могу продолжать вечно. Если что-то дается, то что-то должно и забираться.

– А вам-то до этого какое дело? Почему вы так этому противитесь?

– Потому что в отличие от Герберта ощущаю, каково это – всю жизнь прожить ущербным. И не желаю оказаться на моем месте никому. Спроси у моего брата, где его дочери, кто они... и узнаешь, как он будет относиться к своему гипотетическому сыну, если тот выйдет не таким, как Герберт ожидает.

В ответ только фыркнула.

– Я не собираюсь ему никого рожать, чтобы меня это волновало. В данный момент меня интересуют только книги, и как их достать.

– Тогда иди. – Ричард махнул в сторону двери. – Подумай над моими словами. Но учти, если выберешь его, исход предрешен заранее. Даже без внушения он найдет способы тебя уговорить.

Вот уж сомневаюсь, но вслух ничего не сказала. Просто вышла из кабинета и отправилась к уже знакомому лифту.

Выходов всегда больше, чем два. Должен найтись третий, четвертый и даже двадцать пятый вариант, как отвадить от себя Герберта и достать книги.

Начиная ограблением музейной библиотеки и заканчивая принятием ударной дозы противозачаточных. Чтобы уж точно, наверняка!

Погруженная в эти мысли, я добралась до монорельса, села там на свободное место и умудрилась уснуть под мерное покачивание вагона. Разбудили меня даже не на конечной станции, а в депо.

Один из уборщиков потряс за плечо и предложил выметаться, пока он не вызвал полицию, будто я бездомная какая-то.

Оскорбившись, я подхватила рюкзак и выбежала прочь на улицу, попутно оглядываясь по сторонам в попытке понять, куда вообще попала.

Район был незнакомым: всюду ангары, промышленные здания, гаражи и прохожие настолько редкие, что даже не у кого спросить, где ближайшая станция монорельса, или как иначе уехать обратно в город.

Сунув руку в рюкзак, я попыталась нащарить визофон, чтобы подгрузить карту местности и выйти по навигатору, но тут меня постигло первое разочарование. Вместо аппарата рука нащарила огромную дыру в боковине сумки. Второе разочарование оказалось еще горше пер-

вого. Вместе с визофоном у меня украли кошелек с проездной картой и деньги, заработанные в клубе.

Тройной гонорар уплыл, будто его и не было.

От этого осознания мне захотелось быть, а сегодняшний день назвать самым неудачным в своей жизни.

Понимая, что выхода у меня все равно нет, я принялась искать ближайший участок полиции. Надежды, что мои вещи и деньги найдутся, я не питала, но, по крайней мере, офицеры могли бы помочь мне добраться до дома. А еще я столкнулась со скверным осознанием того, что мне некому позвонить. Я не помнила ни одного номера наизусть, а те, чьи номера могла воспроизвести на память, разбились в аварии больше года назад.

Как издевка судьбы, в рюкзаке нашлась визитка Ричарда. Я уже слышала его насмешливую интонацию, если позвоню спустя час после отъезда из его лаборатории и попрошу помочь мне выбраться из очередной передраги.

Вот уж нет, гордость не позволит.

Завернув за угол, я вышла на более-менее оживленную улицу. Здесь явно ходил общественный транспорт, светились вывесками две кафешки, к которым я и направилась. Работники там должны были знать, где находится ближайший участок.

Через полчаса я сидела перед старым хмурым полицейским, который со скучающим видом записывал мои показания, и весь его вид говорил, что только дура возит с собой в рюкзаке такие крупные суммы денег, да и еще спит при этом в монорельсе.

– Вам крупно повезло, – в заключение выдал он, тяжело выдыхая. – Могли и убить. Район здесь не самый благополучный, еще и маньяк объявился...

Последнюю фразу он говорил гораздо тише, скорее самому себе, нежели мне.

– Что за маньяк? – напряглась я.

– Тайна следствия, – тут же отрезал офицер. – Если любопытно, в газетах прочтете, а пока посидите в холле, я закончу регистрацию заявления и поговорю с патрульными, кто мог бы подбросить вас до дома.

В итоге я осталась сидеть в длинном коридоре на жестких стульях. Мимо меня то и дело сновали другие полицейские, время от времени проводили задержанных в наручниках, местных хулиганов-наркоманов. Время шло, и про меня, казалось, вовсе позабыли. Спустя час я все же не выдержала и попыталась найти «своего» полицейского, но он, как выяснилось, застрял в кабинете начальства и обратно не торопился. Другие же работники участка от меня отмахивались, заявляя, что если моим делом уже кто-то занимается, то нужно только ждать.

День решительно не задавался.

Мало того, что хотелось спать, так еще близилось время обеда, отчего желудок начинал урчать.

– Мисс Райт, – раздался сбоку механический голос.

Я вскинула голову и с удивлением уставилась на знакомого робота в водительской форме.

– А вы здесь что делаете? – спросила у него, будто у человека.

Искусственный разум мой вопрос обработал и спустя мгновение выдал ответ:

– Приказ мистера Сакса забрать вас из участка.

– Даже боюсь спросить, откуда он все знает, – пробормотала я, взвешивая все за и против открывшихся перспектив.

Источников, откуда инкуб мог узнать, где я нахожусь, была масса, а вот пользоваться его помощью или нет, решать только мне. И судя по тому, что «мой» офицер особо не торопился договариваться с патрульной машиной, выбор у меня был невелик: либо сидеть еще несколько часов на стульях, либо пойти с роботом.

Второй вариант нравился мне явно больше.

– Хорошо, – поднялась я. – Пошли!

Андроид шел впереди, я плелась за ним. Задумчивыми взглядами нас провожали местные обитатели. Все же столь правдоподобный человекообразный механоид был редкостью, слишком дорогой игрушкой в этом районе.

Дойдя до знакомого кара, водитель распахнул передо мной заднюю дверцу и, убедившись, что я села в салон, тут же захлопнул.

Внутри было пусто. Похоже, у Герберта нашлись другие, куда более важные дела, чем забирать меня из участка, ну, может, оно и к лучшему. Я даже вздохнула с облегчением, когда поняла, что буду ехать домой одна.

– Район Корнуэлл, пятый квартал, Дубовая улица, шесть, – назвала я роботу адрес, откидывая голову на мягкую спинку. Все же как ни крути, но премиум-класс автомобилей – это было удобно.

– Ни о чем не беспокойтесь, мисс Райт, – проскрежетал андроид, заводя кар и неспешно выезжая на дорогу.

Если я правильно представляла, где мы сейчас находились, то ехать было никак не менее часа. Все же кар – это не монорельс, который едет, не обращая внимания на пробки большого города.

С мечтами о том, как я наконец выплусь, едва окажусь дома, опять задремала. Видимо, это карма сегодняшнего дня – попадать в неприятности из-за того, что хочу спать, потому что, когда открыла глаза, поняла – кар едет не по городу, а где-то за ним. По широкому автобану, развивая при этом немыслимую скорость.

– Эй, – я забарабанила в перегородку, отделяющую меня от шофера. – Куда вы меня везете?!

Ширма медленно опустилась вниз, и я с гневом уставилась на жестяную банку, которая меня обманула.

– Куда мы едем, консерва чокнутая?

На оскорбления андроид не реагировал, отвечал вполне спокойно:

– К мистеру Саксу.

– Ты же сказал, что отвезешь меня домой! Ты соврал! – Я боролась с желанием перевернуться через сидения, попытаться выдернуть руль у робота и развернуть машину. Останавливало только осознание, что ничем хорошим это не закончится. Мне ли не знать об авариях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.